

ДНЕМ ПОБЕДЫ НАГРАДИЛА!

Стихи о Великой Отечественной войне. Части 1 – 5

Автор подборки В. Судаков

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>...ДНЕМ ПОБЕДЫ НАГРАДИЛА! .....</u>	<u>3</u>
<u>1. «ТЕЧЕТ РУЧЕЙ В ДОЛИНЕ СМЕРТИ...» .....</u>	<u>3</u>
<u>2. ПОХОДНАЯ ТЕТРАДЬ.....</u>	<u>13</u>
<u>3. С БОЕМ ВЗЯЛ СОЛДАТ РЕЙХСТАГ... ..</u>	<u>34</u>
<u>4. МЕНЯ НА ВОСТОК УВОЗИЛИ... ..</u>	<u>59</u>
<u>5. ...ПОМЯНУТ ВСЕХ И ВСЕХ ПРОСТЯТ.....</u>	<u>74</u>

...ДНЕМ ПОБЕДЫ НАГРАДИЛА!

Сергей ОРЛОВ Вологда –
Петрозаводск - Москва

***

Вот человек – он искалечен,
в рубцах лицо. Но ты гляди
и взгляд испуганно при
встрече с его лица не отводи.

Он шел к Победе, задыхаясь,
не думал о себе в пути. Чтобы
она была такая: взглянуть – и
глаз не отвести!

.....

Для поэта Великая Отечественная война началась в первых боях под Петрозаводском,
в котором он учился. – В.С.

1. «ТЕЧЕТ РУЧЕЙ В ДОЛИНЕ СМЕРТИ...»

Александр ИВАНОВ
Олонец- Петрозаводск

ПРИСЯГА

Чуть колышет ветер флаги.
Батальон стоит в строю.
Я военную присягу
перед Родиной даю.
Мирным солнцем обогрета,
предо мной лежит страна.
Я клянусь. И клятва эта
– нерушима и верна.
Пусть я встану у границы,
где пурга поет-гудит,
только ветер, только птица
ту границу пролетит.
И в опасную годину,
коль негаданно придет,
я сраженья не покину,
а пойду – вперед, вперед...
Буду ранен, в битве слягу
под обстрелами врага, но
военную присягу не
нарушу – никогда!

1939 г.

МОЛОДАЯ

Где стоит сосна седая,
охраняя тишину,
проводжала молодая
молодого на войну.
Обнимала, целовала –
слезы прятала роса, на
плечо к нему слетала
золотистая коса.

Он ушел.

    Не раз встречая
листопад и ветра вой,
звон капли, крики чаек,
– что над озером скучают,
– поджидала молодая
молодого под сосной...

Вечерело. Никли травы,
убаюканные мглой, и
принес письмо курчавый
почтальон с большой сумой.
Оборвав края конверта,
прочитала:

    «Пал в бою
за республику Советов,
пал за Родину свою»...

Листья тонкие березы
расплелись, как кружева.
Не ручьем катились слезы,
не клонилась голова, – где
стоит сосна седая, охраняя
тишину. ... Уезжала
молодая, уезжала на
войну.

1939 г.

Борис СМОЛЕНСКИЙ
Николаев – Ленинград – Грузия –
Сибирь – Москва - Петрозаводск

***

Снова вижу солнечные ели я...
Мысль неуловима и странна.
За окном качается Карелия –
белая сосновая страна.
Край мой чистый! Небо твое
синее, ясные озерные глаза!
Дай мне силу, дай мне слово сильное
и не требуй, чтоб вернул назад.

Вырежу то слово на коре ли я
или так раздам по сторонам...
За окном качается Карелия –
белая сосновая страна.

Петрозаводск, 1939 г.

.....

Поэт Борис Смоленский погиб 16 ноября 1941 года в боях под Медвежьегорском, близ пос.Падун, на участке дороги Чебино-Медвежьегорск. Он готовил для Петрозаводского издательства рукопись своей первой поэтической книги, куда вошли бы стихи 1941 года, в т. ч. и текст песни своего батальона, и стихотворный текст первого «окна» Карело-Финского ТАСС, и многое другое, но та тетрадка-рукопись пропала вместе с ним. В более ранних черновиках поэта сохранились лишь две строки, посвященные скорее всего событиям советско-финляндской войны: «И на Карельском перешейке еще находят наши дневники». – Прим. сост-ля.

Борис ШМИДТ (Кузнецов), С.-
Петербург-Хибиногорск (Киров)-
Ленинград- Петрозаводск

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОВЕСТЬ

(отрывок из поэмы)

Часть вторая

Декабрь к нам пожаловал метельно,
чертя на окнах голубой узор.
И в этот день с поспешностью смертельной –
Финляндия порвала договор...
И в этот день земля покрылась тенью
среди снегов, что чище серебра.

А наши, все еще храня терпенье,
войска – приказа ждали до утра.
И человек, чей разум мудр и
светел, как утренняя чистая звезда,
вновь трубку запалив, с иронией заметил:
«Беда с тобой, Финляндия, беда!»

Он знал давно, что мир ее запродан тем,
кто мечтал добыть ключи к Москве.
И час настал – приказ Кремля был
отдан, и в утренней студеной синеве
ответили орудия мгновенно, сметая все
на финской стороне.

.....
Мы провожали воинов на битву...
И со слезой во взоре, но горда,
седая женщина, шептавшая молитву,
до слез меня растрогала тогда.

.....
Стояли жесточайшие морозы.
Деревья трескались. А птицы, с них взлетев
тут незачем бояться точной прозы!), на
землю падали, совсем заолодев.
Колес и рельс сверкающий металл
неистово и жутко скрежетал.

.....
Двенадцать ночи. Ждем последних
сводок. Дочь крепко спит, и сны ее легки.
Прислушиваясь к вою непогоды,
передвигаем красные флажки.
Все небо паутиной исполинской
прожекторов – исчерчено в ночи:
не пролетишь, хотя бы стал былинкой,
сквозь эти смерть несущие лучи!
И в час такой мы ценим только дружбу
и грубое пожатье крепки рук.
Недаром в повесть, громыхнув оружием,
обветренный, усталый – входит друг.

.....
О том, как Сашка увидал впервые:
«Угрюмых гор вершины снеговые...
Так я стоял на взгорье увлеченный и
молча этот мир благодарил.
...Все содрогая, взвился пламень
черный, и каждый куст огнем заговорил.
Мне стало ясным тщетное
коварство моих врагов. И наш черед
настал открыть огонь.

«Огонь!» И словно с
Марса, упали камни. Лес загрохотал...

.....

Притихло вдруг. Тут мы пошли в атаку,
сверканьем стали солнца свет затмив.
Священный клич явился бури знаком:
«За Родину! За Сталина! За мир!»

Мы сбрасывали ватники. Морозный
день постепенно в дымке угасал.
И первым пал –

веселый, смелый, рослый –
наш боевой товарищ комиссар.
Но эта смерть внесла такую силу
в сердца бойцов, что дрогнул хитрый
враг, и – злобой ослеплен неугасимой – он
отступил за каменный овраг, где
укрепился.

Мы недосчитали
в рядах бойцов тогда еще троих:
военврача – чудесной нашей Тани
и лучших двух разведчиков своих.

.....

...А я нашел в кармане гимнастерки
лист кипариса – выцветший, сквозной –
и тут же рядом, в книжке записной,
стояла дата.

Дату время стерло...»

1940 г.

Владимир СУДАКОВ,
Сортавала-Петрозаводск

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

«Необходимо нам на Ладожском озере... провести широкий обходной маневр по льду прямо на Сердоболь, связав эти действия с действиями с фронта».

Главнокомандующий К.Ворошилов, член Верховного Совета И.Сталин, начальник Генерального штаба Б.Шапошников.

1 января 1940 года, 00.50

Куранты...

– Не морозит, отлегло.

А было, да-а... Но вспомните недавно
от легчиков доклады: на Валаам идут
по льду подводы и машины с
материка.

План наступленья наш, он –
продолженье прежнего. Для финнов тот
– уж не новость.

Ну, а если мы уйдем с земли и с
озера ударим?

По их пути? «На Сердоболь вперед!»

...Какое все же имя! Он для них пока
что Сортавала. Этот город, смотри,
начштаба, – узел всех дорог. Как
Лоймола. И даже посерьезней. А с
озера не ждут нас. Стал бы это –
Сиваш зимой... Суворов через
Альпы... ..Мансиман-сари...

Что, Мантсимансаари?

Нет, обойти. И не на Лахденпохью:
укреплена. Нам Сердоболя хватит...

Лыжэскадронов, батальонов сколько?..
Слышал, там есть поэты из столицы...
Всего-то?.. Остальные? В Арзамасе,
Подольске, Орше... Обученье, да. Так,
а отрядов аэросаней?

Семь? Мало. Надо бы и пулеметы –
на волокуши! Может быть, и пушки?..
Связать удар – с ударами по фронту,
вдоль берега...

Как думаешь ты, Клим?

Пусть будет финнам наш подарок...
Срочно Хабарову пошлите директиву.
Да, что-то он... А финская разведка...

Что у шюцкора пьексы и «Суоми», я
знаю. Нам бы... Нам бы минометы.
И карты. Наши никуда не годны.
Пусть с самолетов переснимут
местность. Тогда по льду –
стремительным ударом!..

Как там, за Питкярантой, нынче
наши?.. Налей за них... Да, финская...
...Куранты.

Евгений ПЕККИ,
Петрозаводск – Костомукша
– Суоярви -Петрозаводск

БОЙ ЗА ХУТОРОК (рассказ солдата)

Приладожье. Ноябрь. Снег и дождь,
махорки дым, раскисшая дорога,
а нам с листовок улыбался вождь, в
которого мы верили, как в бога.
Наш полк на Суоярви шел вперед,
чтоб взять его решительным ударом,
а взвод разведки двинули в обход:
на Хюрсюля, минуя Хаутоваару.

Уж дело к ночи, надо б на ночлег,
а у дороги – финский хуторишко...
Гранаты вспышка, залп из-под телег.
Хрипит Степан, что был мне как
братишка. От дома угли грели нас всю
ночь... Мы утром пятерых похоронили,
а финн, два сына и, наверно, дочь –
в соседней обрели покой могиле.

У Суоярви был потрепан полк, он
все же выполнил свою задачу.
А вот тот бой, где навсегда замолк мой
друг Степан – я, вспоминая, плачу.
Мы, армия рабочих и крестьян,
спасали Мир!

Но не забыть до
смерти, как финн-крестьянин умирал
от ран, резьбой приклад пометив:
«Savo Pertti».

2005 г.

Борис ЛИХАРЕВ,
Ленинград

ВСТРЕЧА

(отрывок)

Вхожу в лесок сосновый.
Так вот вы где, друзья!
Лишь год прошел, и
снова вас всех увидел я.
.....

С лопат летит
суглинок, тропинка
глубока, поет сапер, как
финнов громила РККА.
И с дальней вышки зорко
дозорные следят.
Смотрю, на гимнастерке
два ордена горят.
Хочу я сесть на кочку, но
танк запрещен тут.
Бывалый пулеметчик
приветствует: «Салют!»
Но вот ко мне в молчанье
танкист идет суров.
– Как жизнь, однополчанин,
товарищ Торопков?
А помнишь ли победный
на Карпин-ярви бой?
Прорыв под сопкой «Вредной»
и штурм «Передовой»?
Боец сверкнул медалью
и руку мне пожал.
А лес, огнем и сталью
наполненный, молчал.
.....

Это стихотворение – из лихаревского сборника «Ярость», вышедшего в Ленинграде в 1943 году. О боевых действиях советско-финляндской («финской») войны конкретно в районе Ухты есть стихи у поэтов А.Безыменского и А.Суркова, под Печенгой – И.Баукова, а на Карельском перешейке – Н.Тихонова, А.Прокофьева, С.Наровчатова, М.Луконина, П.Воронько, А.Безыменского, М.Дудина, А.Копштейна, Н.Отрады (Турочкина), И.Авраменко, В.Жукова, А.Недогонова, И.Федорова (ему посвятил свое стихотворение публикуемый здесь Б.Шмидт: «Памяти Ивана Федорова»), Ц.Солодаря, В.Лебедева-Кумача, И.Френкеля, А.Твардовского... Кстати, именно здесь, на перешейке, и тогда «родился» в скором будущем и, кажется, до сих пор самый главный «советско-поэтический» солдат Великой Отечественной Василий Теркин... Подробнее обо всем этом см. главу «Как будто это я лежу» в моей книге «Поле неуставшей памяти» (Петр-ск.: «Карелия», 2008).

Лев ЛЕВИНСОН
Смоленск – Ленинград –
Пудож – Петрозаводск

КАПИТАН РУДАКОВ

*«Капитан Рудаков. 1908-1940». Надпись на плите
заброшенной могилы в лесу у города Питкяранта».*

Кем ты был, капитан Рудаков, чем ты
жил до последних мгновений?

Над тобой ни цветов, ни венков, –
только ветви березы осенней,
только вросшая в землю плита да
кустарник, склонившийся низко, да
– осенних ночей темнота над
звездой твоего обелиска...

Сквозь дороги, ветра и года,
от людей моего поколения я,
случайно зашедший сюда, –
пред тобой преклоняю колени.
Что похожего в нашей судьбе,
как бы мы говорили с тобою?
Тридцать три мне сейчас, как тебе
было в полдень последнего боя.

...Ухожу я сквозь желтый прибой,
сквозь кустарник, склонившийся
низко, от нежданной встречи с тобой,
от звезды твоего обелиска.
Только память летит по пятам,
словно отзвук ушедшего лета.
Мы не знаем тебя, капитан.
Если можешь – прости нас за это.

1968 г.

.....

Из биографической справки, опубликованной в справочнике «Писатели Карелии» (Петр-ск.: «Карелия», 1980): «...Лев Григорьевич родился в Смоленске в 1935 году. Будучи воспитанником воинской части, преодолел путь от Сталинграда до Чехословакии и Польши».

Михаил СОРОКИН с.Рыбацкий
холм Пудожского у. - Пудож-
Олонец

* * *

Течет ручей в Долине смерти,
звонит хрустальная вода, и
этот звон его, поверьте, я не
забуду никогда.

Как не забудется долина, где
страшный пир вершила смерть,
где только горькая рябина сумела
чудом уцелеть.

Здесь бились наши батальоны,
моей России сыновья.
На этих склонах опаленных
не слышно песни соловья.
Один ручей звенит в долине,
как голоса солдат войны –
поет он песню о рябине и
охраняет павших сны.

Владимир СУДАКОВ

ДОЛИНА СМЕРТИ

Памяти моего дяди по матери Александра Васильевича Кузина, политрука 18-й стрелковой дивизии, почти полностью погибшей во время советско-финляндской войны, зимой 1939-1940 годов, в местности под г.Питкяранта на северном берегу Ладожского озера, которую с тех пор зовут Долиной смерти.

1.
Прострелен лес. Контужена вода.
А воздух мертв – ни ветерка, ни птицы.
Зеленые ворота в никуда, а сделал шаг
и – не остановиться.

И все ж пройти сквозь смерть, судьбу и
страх, чтобы понять, что было с ними-нами,
когда они брели, ползли в снегах, спасая и
себя, и знамя.

2.
«Танковые озера.
Окунь берет – с ладонь!»
– манит Олег. Задорно
плещет в глазах огонь.
Танковые... Гляди-ка!
Светлая стынь-вода.
...И зарделась брусника,
щедрая, как всегда.

.....

Олег Дуркин – мой товарищ, журналист из Сортавала – Прим. сост-ля.

2. ПОХОДНАЯ ТЕТРАДЬ

Елизавета ПОЛОНСКАЯ,
Ленинград

ЛАХДЕНПОХЬЯ

Куковала кукушка холодной весной
в городочке над Ладожским морем.
Шли солдаты на плац, ветер сыпал крупой
на березки в зеленом уборе.
«Ах, кукушка-кукушечка, сколько мне жить?
Прокукуй столько раз. Если знаешь, скажи!»
Но лишь ветер свистел у вершины скалы...
Это было в конце той холодной весны,
это было за десять деньков до войны.

1941 г.

Михаил СОРОКИН, с.Бесов
нос Пудожского района –
Пудож – Олонец - Петрозаводск

* * *

Шел теплый июнь сорок первого года.
Воскресное утро. Заря началась.
А нас подняла из постелей тревога
и громко сказала:
– Война началась...

Так был переступлен порог нашей жизни
от мирного неба до грозной войны.
Мы стали мечом нашей милой Отчизны,
клянясь ей, что будем присяге верны.

Илья СИМАНЕНКОВ,
с.Шутилово Нижегородской губ.-
Горький (Нижний Новгород) - Петрозаводск

КЛЯТВА ПЕРЕД ЗНАМЕНОМ

Команда «Смирно!» Замер строй,
держа на алый стяг равнение. Нам
предстоял тяжелый бой –
фашистов выбить из селенья.
Пусть нам сопутствует отвага,
пусть будем мы еще сильнее, –
клялись мы в этом перед флагом,
как перед Родиной своей.

В сраженьях придавал нам
силы наш, словно пламя, алый
стяг. Потом победно водрузили
мы это знамя на рейхстаг.

...О красном знамени
нетленном мы память бережно
храним – и ныне снова перед
ним готовы преклонить колена.
1991

.....

И. Симаненков - свидетель наступательных операций на Карельском фронте. В качестве редактора дивизионной газеты прошел боевой путь от Северного Кавказа до Австрии. – Прим. сост-ля.

Игорь НОГТЕВ,
Петрозаводск

ИСПЫТАНИЕ

(отрывок)

...Мы отступали
на исходе дня,
глота пыль
украинского шляха.
Плыл солнца шар
над гривую коня,
похожий на чумацкую папаху.
Под монотонный мерный
скрип телег усталые брели
понуро кони.

И боль войны
услышал человек
в полубредовом,
приглушенном стоне.
И прилипала
глина к каблукам,
струился дождь как
будто бы нервозно.

И было больно
сжатым кулакам,
но ничего
поделать невозможно.
А смерть уже шагала по пятам
неудержимой лавой первых
строк.
И было больно сжатым
кулакам от залпов
троекратного салюта.
Мы отступали
на исходе дня.
Устало.
Молчаливо.
Виновато.
И принимала
бережно земля еще совсем
безусого солдата...

Борис ШМИДТ, С.-Петербург-
Хибиногорск (Кировск)-Ленинград-
Петрозаводск

БАЛЛАДА ОБ ОФИЦЕРЕ

...И пятые сутки снегами,
лесами, болотной водой, в
краю, полоненном врагами,
нас вел офицер молодой.
Угрюмо карельское небо
полощется, как полотно.
Давно мы не видели хлеба,
галеты мы съели давно.

Краюху промерзшего хлеба
достал командир из мешка и
роздал налево-направо, что
сам сохранил от пайка.
Натуры его ленинградской
обидеть никто не посмел:
никто не посмел отказаться.
Нам снег уже начал казаться
сухим и безвкусным, как мел.
От холода сосны трещали.
И ночью не спал командир:
прервав ледяное молчанье,
он шуткой уснувших будил.

...Так пятые сутки снегами,
где птица от холода мрет,
сквозь дерзкие стычки с врагами
мы шли, не колеблясь, вперед.
Нам смерть ежечасно грозила, но
он наши жизни сберег.
Теряя последние силы, хоть в
пекло, но только – вперед.

С таким офицером, который
несет за тебя пулемет, чтоб
дать тебе отдых,
который с полслова солдата поймет.
Мы даже не верили сами, что шли и
вступали в бои.
Пять суток он вел нас лесами
и все-таки вывел к своим.
В землянку, где печь догорала,
вошел он, закутанный в пар,
едва доложил генералу и тут,
обессилев, упал.

И, всех оглядев, я заметил,
что был он один в сапогах. Я
все позабуду на свете –
забуду о страшных снегах,
забуду, что каторжный ветер
хлестал нас ночами, как плеть,
но помню, что валенки эти он
сам приказал мне надеть.
1941 г.

.....

*Б.А.Шмидт, служба в редакции дивизионной газеты, прошел боевой путь от
осажденного Ленинграда до Кенигсберга. – Прим. сост-ля.*

Николай ЛАЙНЕ (Гиппиев),
с.Реболы -Петрозаводск

* * *

Надел шинель, винтовку взял –
ну, чем не воин? Но куда там! Я
стать хотел, но я не стал, не
стал тогда еще солдатом. Когда
свинцовая струя
меня хлестнула – в то мгновенье
еще солдатом не был я, хотя
уже прошел крещение.

Я не был им, когда пришло
известие о смерти друга,
беззвучно плакал я и зло, и
завывала в поле вьюга.
А после... Не забыть о том... В
снегу, исколотый штыками,
ничком ребенок мертвым сном
спал, обхватив сугроб руками.

Хотел я плакать и не мог и
только слушал гул далекий...
Я тельце обернул в платок, что
был обронен у дороги. Пошел,
ребенка схоронив,
навстречу пушечным раскатам...
И я впервые в этот миг себя
почувствовал солдатом.
1941 г.

.....
В годы войны в качестве политработника Н. Лайне воевал на Карельском и Ленинградском фронтах. – Прим. сост-ля.

«11 марта (1942 года. – В.С.)... Позавчера встретил Гиппиева, прибывшего сюда в командировку с фронта, из-под Повенца. Судя по его рассказам, там готовится наступление наших войск, и оно должно состояться до распутицы. Как хорошо, если бы это было началом освобождения железной дороги, а значит, и Петрозаводска! Член нашего Союза писателей Гудков умер. Норин серьезно болен, его положение безнадежно». Л.Хело (Т.Гуттари). День за днем (отрывки из военного дневника). В сб. «Белыми скалами линия фронта легла...» Рассказы, воспоминания. Петр-ск.: «Карелия», 1974. С.281.

Яакко РУГОЕВ, д.Суоярви
- Петрозаводск

ТЕБЯ ВСПОМИНАЮ

Когда догорает вечерний закат
и небо сияньем окрашено с краю,
уходим мы в бой. Оглянувшись
назад, тебя вспоминаю.

Я вспомнил прогулки в осеннем лесу,
опавшей листвы золотистую грудку.
Я имя твое берегу и несую,
нигде не забуду.

И мысль о тебе согревает меня
на самом трескучем морозе.
Я знаю – ты всюду со
мною. Под вихрем огня
тебя вспоминаю.

1941 г.

«Яакко Ругоев... Во время Зимней войны я служил на Карельском перешейке в батальоне связи Первой финской армии, сформированной возглавляемым О.В.Куусиненом Народным правительством Финляндии». См.: «Зимняя война и новое заселение Ладожской Карелии»//«Прибалтийско-финские народы». Сост-ль Мауно Йокитии. Ювяскюля.: «Атена», 1995.

Виктор ВАЛЬЯККА,
пос.Вальяккала Госненского р-на
Ленинградской обл.-г.Петрозаводск

ОГНИ В ЛЕСУ

(отрывок из поэмы о строителях Западно-Карельской железной дороги)

...Герои мои севастьяновский дом
нашли и гурьбою ввалились.

И, встретив хозяев радушие в
нем, своею мечтой поделились.

Хозяин, припомнив войны времена,
достал из шкатулки свои ордена,
семейный альбом – из комода.

И бережно снял, примостясь у
окна, одно обгоревшее фото:

– Я имени парня назвать не могу...

Шел бой. Взрывы ухали громко.

Запомнил лицо лишь его на бегу:

спасал он от смерти ребенка.

Горевшее мы оставляли село.

Он вынес ребенка всем бедам
назло в селении близ Костомукши.

Но парню в сражении не повезло –
был пулей сражен он на опушке.

Мы шли, задыхаясь в дыму и в огне,
мы шли и старались не падать...

А эту его фотографию мне дал
писарь на вечную память.

И время молву о героях хранит,
а образы – в душах хранимы.

В Суккозере, в братской могиле он спит.

А родом был он с Украины.

...В печали сжимались семь юных
сердец, в избе тишина нависала.

Но, фото приблизив, сказала:

– Отец!

И вдруг побледнела Оксана.

Примолкли ребята. А лес все шумел
в раздумьях о давних невзгодах,
как будто рассказ он продолжить
хотел о тех легендарных походах.

* * *

На Пенингу движется лыжный
отряд, снег мартовский ярко лучится,
на солнце янтарные сосны горят.
Задумчивы лыжников лиц.
Лыжня извивается белым ужом –
ведет к обелиску на взгорье, где
вырезал кто-то суровым ножом:
«Климук», «Яскелайнен», «Егоров»...

Над братской могилой – священной землей
– деревьев колышутся тени.
– Так вот где, отец, ты обрел свой покой...
Оксана склонила колени.
Смахнул Севастьянов скупую
слезу и трубку зажег в утешенье:
– Мы бились отчаянно в этом лесу,
и многие пали в сраженье.
Рукой показал он на берег крутой,
открытый метелям и ливням:
– Вот там возведем мы поселок большой
и памятник павшим воздвигнем.

* * *

Гудят поезда среди скал и болот
– все дальше уходит дорога, где
каждая ель обелиском встает
героям военного года.
Гудит паровоз. И гудок, как салют
в честь павших во славу Отчизны.
О доблести мирной теперь здесь
поют, и песни на новые кручи зовут,
звучат – продолжением жизни.

ДРУГУ

Неба северного просинь, луч
заката недвижим,
синеструйный, искроносный
над теплушкой вьется дым.
Путь-дорога, тихий вечер
с зорькой вешней песен
ждут. Баянист широкоплечий
тронул клавиш перламутр.
И взметнулась хоровая
под баяна перебор, –
завтра – бой, передовая,
нынче песне дай простор!
Дай пройтись легко по кругу,
жарко, с присвистом дыша...
Льется над лесной округой в
песне русская душа.

Смолк баян. Боец задумчив.
– Что же ты, земляк, угас? Не
предчувствие ли мучит, что
играл в последний раз, что
падешь весною ранней в
злом бою на жухлый лист?..
Или вспомнил расставанье и
родное:
«Ты вернись...»?
Друг, пока грохочут грозы,
не к лицу солдату грусть, ты
сыграй, сыграй про косы,
про ответ свой:
«Я вернусь!»
1942 г.

.....

Воевал на Карельском фронте (аэросанные части) и на 2-м Украинском (командир взвода бронейщиков). – Прим. сост-ля.

Илья СИМАНЕНКОВ с.Шутилово
Нижегородской губ.- Горький
(Нижний Новгород) - Петрозаводск

ИЗ ВОЕННОГО ДНЕВНИКА

(отрывок)

С неба месяц смотрит кротко,
светлым звездам нет числа.
Ночью вражья самоходка
прямо к лесу подошла.
Словно вор, подкралась
близко, выстрел гулкий и
тугой, – и снаряд с протяжным
свистом пролетел над головой.

– погоди же, самоходка!
Мы заставим сбавить
прыть, отобьем тебе охотку
на разбой ночной ходить!
И наводчик к панораме,
чертыхаясь, подошел, и на
выстрел вражий прямо
пушку точную навел.

И едва лишь на опушке
слабой вспышки свет погас, –
мигом грянул нашей пушки
молодой и гневный бас.
Замолчала самоходка, вряд
ли ноги унесла.
...С неба месяц смотрит кротко,
светлым звездам нет числа.

1943 г.

Константин КОЛЬЦОВ

ОТРЫВОК

Карельская ночь, ты мне так полюбилась!
Хоть сумрак навывлет пронзают осколки,
Карелия, сердце твое не умолкнет
и ты оккупантам не сдашься на
милость. Орудия залпам землю лопатят,
и гроздь ракет над окопами виснут. Здесь
око за око и выстрел за выстрел, здесь
поздняя осень – и та в маскхалате...
1943

.....

Поэт из Чувашии. Погиб неподалеку от пос.Кестеньга. – Прим. сост-ля.

Армас ЭЙКИЯ,
Финляндия-СССР-Финляндия

ЗАВЕЩАНИЕ
(отрывок)

...Со мною рядовой
солдат шел рядом и убит.
Быть может, самый лучший
брат в сырой земле лежит.
Солдат отважный на войне
геройски встретил смерть.
Быть может, завтра так же
мне придется умереть.

В Финляндию уходит тьма,
настал рассвета час.
Орудья, словно смерть
сама, наведены на нас.
Да, пушки финские. И
тот из братьев семерых*,
Кто поглупей, меня убьет
или друзей моих.

Россию хочет он топтать
в угоду господам.
Я жизнь свою готов
отдать, Россию не отдам!
Коль русский будет жить народ –
свободный исполин, себе
свободу обретет и финский
гражданин.

Пускай отнимет жизнь
мою мой неразумный брат,
но тех, кто шел со мной в
строю, не повернуть назад.
Пусть труд, который начат
мною, не будет позабыт.
Не я, так кто-нибудь другой
работу довершит.
Есть у меня завет один:
пусть труд мой завершат
и русского полюбит финн,
как брата – младший брат!
1943 г.

Перевод с финского Н.Глазкова
.....

* Намек на роман классика финской литературы А.Киви «Семеро братьев. – Прим. ред.

Вероника
ТУШНОВА, Москва

* * *

Неугасимый теплый день...
Бессонный, суетливый шорох...
В Карелии цветет сирень и свет
купается в озерах.
Устав от фронтовых дорог, связист
прохладой влажной дышит... А
вечером домой напишет, что здесь
цветет сирень-цветок, что на березе
клейкий лист, что ночи нет...

И ни полслова
о том, что он, солдат-связист,
на утро в бой уходит снова.

.....
В лесу не молкнет птичий свист
1944 г.

Александра ДЕМЕХИНА, д.Красава
Шабалинского р-на Кировской обл.-Кемь –
Беломорск – Сортавала

* * *

Я помню Кемь прифронтовой:
за маскировкой – темень улицы
и самолетов дикий вой, да под
ногой ледок на лужицах. А у
вокзала, на горе
стояла часть артиллерийская,
и рано утром, на заре,
как эхо – гул далеких выстрелов.
Но деловит людей настрой и шаг
полка – пружина сжатая.
...В едином ритме со страной
шагала Кемь – в май сорок пятого.
1984 г.

.....

Служила при штабе Карельского фронта. – Прим. сост-ля.

ЦВЕТЫ И ГРАНАТЫ

(отрывок)

У тебя на столе – цветы... Их
коснувшись русою прядкой,
над цветами склонилась ты,
дорогая моя солдатка.
Стебелек ромашки в руке –
словно солнце перед тобою,
только видишь ты вдалеке
край, где бьются бойцы-герои.
Край, где нынче покой ночной,
песня, сказка моя лесная... Я
сизу в землянке сырой, о тебе
одной вспоминая...

.....
От рассвета до темноты
вспоминай про меня, солдата...
В руках у тебя – цветы, в руках
у меня – гранаты!
1944 г.

Лоухи-Кестеньга

.....

«30 августа (1942 года. – В.С.) Вчера... Кежун рассказал, что из ленинградских писателей во время войны умерло или погибло в боях 36 человек. Многих из них я знал С.Семенова, Ю.Инге, Ю.Зельцра и других».

Л.Хело (Т.Гуттари). День за днем (отрывки из военного дневника). В сб. «Белыми скалами линия фронта легла...» Рассказы, воспоминания. Петр-ск.: «Карелия», 1974. С.282.

Олег МИШИН (Армас Хийри)
Ленинград – Пудож - Петрозаводск

*...Звезды, замыслы и бытие само
останутся, как вечное письмо
тебе, ненайденному адресату.*

Елена Ширман

ОТРЫВОК Поэты
тридцатых годов,
сороковых солдаты,
строки ваших стихов
приходят к своим адресатам.

.....

Поэт умирает в бою где-
нибудь у Суоярви, но
шлет он музу свою
дорогой неистойвой ярой.

.....

Поэзии вашей костры
меня согревают сегодня,
поэты военной поры
в суровых шинелях походных.
.....

В боях около этого озера на исходе советско-финляндской войны погибли поэты Арон Копштейн и пытавшийся его вытащить из-под огня Павел Коган. См.: В.П.Судаков, «Поле неуставшей памяти» (П-ск.: «Карелия», 2008. С 480-482. – Прим сост-ля.

Юрий БАШНИН, с.Сусанино Костромской
обл.- Петрозаводск

ИЮНЬ Солнце тонуло
в затоне,
выплеснув всю синеву. В
сумерках чуткие кони
мягко щипали траву. Тлел
костерок у болотца,
змеями выполз туман.
Чудилось: с топью сольется
черная зелень полян.
Но, освещая безлунный,
сонный еще небосвод,
облака отблеск латунный
темных касается вод.
И прорывается свежесть к
стогу, в ольховый колок,
и, замирая и нежась,
зорька глядит через лог.
Красит лениво, огулом
рощи и пожни она...

И – неожиданно – с гулом
рвется вдали тишина: мимо
садов у пекарни, мимо
разбуженных хат шли
повзрослевшие парни к
городу – в военкомат...
Думал ли я накануне, что с
наступлением дня в том
незабытом июне детство
покинет меня?
.....

Автор, не подлежа призыву в армию по возрасту, ушел добровольцем на строительство объектов военного назначения на берегах Волги. – Прим. сост-ля.

Алексей ТИТОВ, д. Михалево
Калининской обл.-Ленинград-
Петрозаводск

МУСТА-ТУНТУРИ

Здесь бой идет четвертый
день за Черный перевал, где
даже северный олень ни разу
не бывал.

Здесь только ягельник седой
с брусничником растет, в
долину ветер штормовой
срывается с высот.

Здесь тундра черная
легла широкой полосой...
Редеет облачная мгла над
вражьей высотой.

По Муста-Тунтури мы в
бой, в победу веря, шли за
самый бедный и скупой
кочок родной земли.

Он только с виду бедным
был: в граните и песках тот
край богатства затаил
в глубоких недрах скал.

Достать их можно – каждый знал
– лишь дорогой ценой:
взять с боем Черный
перевал атакой штыковой.

1943 г.

Тайсто СУММАНЕН,
Ленинград - Петрозаводск

НОРВЕЖСКАЯ БАЛЛАДА

(отрывок)

Студеное море,
повисшие руки. По
длинному молу
ведут этих русских.
Глядят пулеметы
слепыми зрачками,
а в сердце на годы
тоска, словно камень.

К востоку за тундрой
скупой и печальной
рождается утро
Родины дальней.

А говор все меньше,
а шепот все тише –
чужих этих женщин,
чужих ребятишек.
Стоят, как хоронят,
на холоде лютом.
О чем нехорошем
молчат эти люди?
Снежки – как конфеты,
крепки, как калены, –
норвежские дети
швыряют в колонну.
Конвойные сверху
здоровы, плечисты,
трясутся от смеха
погоны фашистов.

Норвегия чаек,
ветров и поэтов!
Ты братьев встречаешь
таким вот приветом?
Кому – это право?
Кому – эта милость?
Ужель это правда, что
ты покорила? Плечо
и колено
в лохмотьях проглянет.
О русский, о пленный!
Не надо проклятий...
.....
Согреть тебя хочет
утихшее небо.
И пусть этот дюжий
конвойный смеется, –
уж ворот не душит, и
легче идетя.
Не мрачны сугробы, не
сломаны люди. Здесь
земли суровы. Здесь
рабства не будет.

Перевод с финского В.Потиевского

Петр ГОВОР, пос.Вяртсиля
Сортавальского р-на

* * *

В сорок первом на войну
нас тогда призвали,
защищать свою страну
зло мы зашагали.
Автомат наперевес и по
две гранаты –
направлением на Брест
в бой идут солдаты...

Бьет солдат в бою суровом немцев
наповал, бьет под Курском, под
Ростовом... Дух у них пропал.

И потом уж наш отец – на
груди медали – в
Трептов-парке, наконец,
встал на пьедестале.

Борис ШМИДТ С.-Петербург-
Хибиногорск (Кировск) – Ленинград -
Петрозаводск

БАЛЛАДА О «МАЛЮТКЕ»
(отрывок)

...Мы прошли Ботническим
заливом через мины, мели – в тыл
врага. Нам добра заране не сулили
финские немые берега.

Цвет воды зеленовато-серый,
затихает шумная волна.
Погружаясь, шли, минуя шхеры,
пики, скалы, вставшие со дна.

В градуснике ртуть давно упала,
перейдя уже черту нуля...
Корпус содрогнулся от обвала.
Камни. Камни. Мерзлая земля...

...Воздух ночи – ледяной и синий –
был суров и ясен, как приказ.
– По местам! – дает команду Силин.
– Вражий транспорт обгоняет
нас! Лодка воду вспененную
бреет, и гудят шмелями дизеля.
Виден берег. Вражьи батареи.
Каменно-унылая земля.
Шквал огня. И небо осветилось.

Дальше – мель. И дальше нам – нельзя!
И «малютка» в воду погрузилась, и
торпеда вырвалась, скользья.
Фосфорическим холодным светом
вслед за ней раздался страшный
гул: надвое расколотый торпедой,
транспорт в своей гавани тонул...

Иван КОСТИН, д.Хашезеро
Медвежьегорского р-на-Сегежа -
Петрозаводск

ДУМЫ УМИРАЮЩЕГО СОЛДАТА

В последний бой уходит наша рота,
а я лежу, подкошен, как трава.
Мне не входить в родимые ворота,
пред мною – Бранденбургские ворота,
но гаснет взор сой, никнет голова...

Глаза сухи. Войну не тронут слезы. Я
не вернусь домой к тиши полей, не
слушать мне, как шелестят березы, и
не обнять мне матери моей.

...К Победе устремляется пехота,
еще рывок! Почти повержен враг.
Но дует сквозь проклятые ворота
мне в душу цепенеющий сквозняк.

...Он этой ночью матери приснится –
идушим по тропинке, как тесьма.
В окно поутру постучит синица, и
в доме будут долго ждать письма.

Борис ШМИДТ С.-Петербург -
Хибиногорск (Кировск) – Ленинград -
Петрозаводск

ДОМОЙ

Октябрь сорок пятого года...
Над церковью кружит воронье,
по синей воде небосвода
плывет колокольня ее.
Шрапнелью пронизанный купол,
что гордой главы не склонил, а,
как летописец, для внуков
войны письма сохранил.

В осеннем, волшебном убранстве
глядит зачарованный клен в
пролеты разрушенных станций.
Но дальше летит эшелон.

...Из дальней деревни березы
по стежке осенней бегут.
Счастливые, светлые слезы по
лицам солдаток текут.
В руках у них – связки баранок,
кувшины с парным молоком...
Еще далеко полустанок.
Бегут, обгоняя вагон.
Все мило, все любо для сердца.
Над трубами сизый дымок.

Вот смотришь и не наглядеться:
как жить ты без этого мог?
Без этих мальчишек вихрастых,
цедящих из жбана квасок...
Отечество милое, здравствуй!
Как сладок твой сизый дымок.
Душе нашей русской и взору все
мило и любо до слез: сбегаящие
с косогора деревни, задумчивый
плес,
и эта девчонка в веснушках,
и сжатого поля тоска,
и в облаке этом жемчужном
встающая сразу Москва.
В лазурь эту огнеподобно
врезаются башен зубцы...

Мартены и шахты, и домны –
поднимем. Отстроим дворцы,
чтоб любо в них было солдатам
трудиться и весело жить.
И разумом взорванный атом
заставим на благо служить.
Энергию столпотворенья к
рукам, приручив, приберем...
В нас – дерзость и страсть поколенья,
стремление к звездам, вперед.
Туда, где, огнями пронизан, по-
сталински ясен и прост, в
бескрайнюю даль коммунизма
возносится радугой мост.

1941-1945 гг.

ЛОШАДЬ

Стояла лошадь чуть живая,
законам жизни вопреки. Во
тьме немецкого сарая
торчали ребра, как штыки.
Давно хозяина не стало:
удрал хозяин из села.
А лошадь пегая осталась.
А лошадь – русскою была.
Ее, наверно, из-под Пскова
сюда фашисты привели.
Стучали русские подковы,
отмеряв чуть не полземли.

Но все же отсвистели пули.
И той, победною весной,
солдаты двери
распахнули, сказав:
– А ну, пошла домой!..
И лошадь словно бы проснулась.
Хотя кругом трава цвела, она к
траве не прикоснулась, а на
Восток пошла, пошла...
– Смотрите, братцы, – бог ты мой!
– и конь демобилизовался!..
Мотнула лошадь головой.
И мы умолкли...
1966 г.

Павел ШУБИН с.Чернава
(Чернавск) *Елецкого р-на*
Липецкой обл.- Ленинград- Москва

* * *

Слабоголосый, маленького роста, на
постаменте он расправил плечи,
и – бронзовый – он был уже не
просто бесстрашен или яростен, но –
вечен.
Корреспонденты, разложив блокноты,
о бое том спрашивали нас, как
будто сами не имели глаз.
– Чего им надо? Он из нашей роты!

1945 г.

Маньчжурия

Илья СИМАНЕНКОВ с.Шутилово
Нижегородской губ.-г.
Горький (Нижний Новгород)-г.Петрозаводск

* * *

Как труден путь, как много мы прошли
полей и сел, и городов, и улиц –
распластанных и в пепле, и в пыли, – но
притерпелись, в ратный труд втянулись.

Идем вперед, суровы и спокойны,
через потоки, через горы бед, во
всех боях встречаем мы достойно и
боль утрат, и радости побед.

Уже он недалек, конец пути, уже
до цели два броска осталось. И,
кажется, не станет сил идти,
но слышим клич и гоним прочь усталость!
1945 г.

Михаил СЫСОЙКОВ

МАТЬ СОЛДАТА

Памяти матери, Ксении Александровны

Волоча простреленную ногу,
на закате мартовского дня
я пришел к родимому порогу, –
мать дрова пилила у плетня.
– Мама, ты... не узнаешь, пожалуй...
Поздно, правда, вот сосед привез...
– Мишенька, – к груди моей прижалась,
я заметил прядь седых волос.
И лицо бескровное, морщины,
влажные, туманные глаза...
Властвовали здесь враги бесчинно,
громыхала черная гроза...
– Полно, мама, при счастливой
встрече... Я живой ведь, плакать-то о
чем? – взяв родную бережно за плечи, я
вошел с ней, плачущей, в дом.

Отчий дом – просторный, пятистенный
– оккупанты не успели сжечь.
Снова со стены проникновенно
смотрит Ленин, слыша нашу
речь. Лампа блещет.

Мать хранила строго
до поры ее. И вот зажгла.
Яркий свет. И улеглась тревога.
– Может, выпьешь рюмочку с
дороги? Для тебя давно я припасла...

Смотрит мне в лицо не отрываясь:
виден шрам от раны пулевой.
Слушает, как выжил я, сражаясь,
слушает, качает головой. Подошли
соседи, поздравляя земляка с
прибытием домой.
...И горел, горел, не угасая,
огонек в деревне над рекой.

Александр ИВАНОВ
Олонец - Петрозаводск

ТОМИК ПУШКИНА (отрывок)

Эти дни я забуду едва ли...
Бой. Атака. Пылал закат. У
границы, на перевале,
смертью храбрых погиб
солдат. Он и я – мы друзьями
были. Дни сражений сдружили
нас. И на свежей его могиле я
припомнил: в последний час,
перед тем, как идти в атаку, он
походный мешок расстегнул, и,
сказав мне:
– Дружище, на-ка!
томик Пушкина протянул.
.....

...Отгремели бои на Шпрее.
Мы вернулись давно домой.
Но по-прежнему сердце греет
томик Пушкина фронтовой. И,
читая его на досуге,
вспоминаю я, в мирный час,
и о Пушкине,
и о друге,
и о всех, кто Россию спас...
1953 г.

3. С БОЕМ ВЗЯЛ СОЛДАТ РЕЙХСТАГ...

Александр ВАСИЛЬЕВ
Петрозаводск

22 ИЮНЯ

Памяти деда Алексея

Прощались коротко с
друзьями и молча пили
«посошок», смотрели
сильными глазами, как на
судьбу, на вещмешок. Шаги
замедлив у порога... (Минуты
эти годы жгли Их, ждущих) ...

И была – дорога.
И, не оглядываясь, шли.

А впереди был путь неблизкий
к послевоенным обелискам.

Виктор ПОТИЕВСКИЙ Москва
– Петрозаводск - Москва

БАЛЛАДА О МОЛОКЕ

Молоко было белым, как утренний снег,
молоко было белым, как белое небо.
В полутемном сарае вдыхал человек
этот запах живительный чутко и немо.
Он давно позабыл уже вкус молока, а
оно все призывней и ярче светилось.
И корова спокойно к земле наклонилась,
и коричневым глазом косила слегка.

Он доил. И нельзя было взгляд оторвать.
Он доил. Согревая озябшие пальцы.
Осторожно, стараясь ведра не касаться,
чтоб не звякнуть, чтоб даже неслышно
дышать.
Было тихо и чутко вокруг. Никого.

И на горло давил полусумрак сарая,
и дневные лучи, на полу догорая,
обжигали дрожащие ноги его.
И казалось, что нет ничего на
века: ни войны, ни людей, ни
печали, ни гнева –
только этот, простертый до самого неба,
бесконечно дурманящий дух молока.

Наталья ВОЛКОВА,
Лахденпохья – Петрозаводск –
Беломорск

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ
(отрывок)

Здесь плавилась камни, дымился свинец
– страна оборону держала.
Такого величия солдатских сердец
Цемесская бухта не знала.
Здесь прошлое бродит средь скал и
камней. Я время сдержать не пытаюсь и
вместе с десантом с ночных кораблей в
холодную воду бросаюсь...

Александр ВОЛКОВ

ПРОРЫВ

По рассказу ветерана Великой Отечественной войны, бывшего окруженца

1.
Десятые сутки мы
ходим, как утки:
ныряем в воронки,
вперед и ползком.
Давно не до шуток,
Хмельных прибауток:
последний окурочок,
последний патрон.

В нас справа стреляют
и слева пуляют,
и жалят нам лица
сполохи огня.
За пояс гранаты,
по штуке на брата,
да нервы стальные
– вся наша броня.

Противник невидим,
мы в темени видим
лишь тени соседних
согнувшихся спин.
Забыли дороги
свинцовые ноги,
слипаются веки, и,
стоя – мы спим.

Как волк меж флажками.

Прыжками, шажками...
Все уже, теснее наш
гибельный круг. Мы
зубы сжимаем, себя
проклинаям, надеясь на
случай:
а может, а вдруг?..

II.

Нет «сверху» ответа,
лишь час до рассвета,
а утром – осколочно-
огненный смерч.
Убит лейтенант наш...
Найти сержанта:
из круга два хода –
прорыв или смерть.

«За Родину! Братцы
Штыками прорваться!»
И... грудью на пули.
На шквальный огонь.
Лихая работа, без
правил, без КЗоТа,
война не убийство –
кровавый закон.

«Колочку» прорвали,
на мины нарвались.
Убитых зарыли,
считаем живых.
За голой высоткой
– глухое болото.
Еще кто-то сгинет на
тропках кривых...

III.

А где же победа.
На вкус бы отведать?
Из круга прорвались
мы только втроем.
И... «хлеба и хлеба!»
мы молим у неба,
и... «Мать вашу в
душу!» орем.

К своим мы вернулись,
на сутки заснули.
Оружие сдавши под свист.
А утром проснулись.
Забывши про пули... Но
нас уже ждал «особист».

Валерий РУБУШКОВ
Самара - Петрозаводск

* * *

*Красноармейцам, расстрелянным финскими солдатами в октябре 1941 года в
Петрозаводске*

Наших зарыли за домом, во рву.
Зарыли там, где убили.
Ночью, сквозь сон, видел я наяву
лица их голубые.

Кровавые пятна – огромны, темны.
Как луны, блестели медали...
Бойцы из одной появлялись стены,
в другой стене пропадали.

Пленных, раненых – били в
упор. Выстрелы громче грома...
Не мог стесать тяжелый топор
кровавые пятна с дома.

Печные, горячие кирпичи...
Как крест над могилой – рама.
И, обезумев от страха в ночи,
кричу, задыхаясь: «Мама!»

Лидия ДОРОНИНА
Питкяранта

* * *

Военная цензура, не
тронь мое письмо,
мною и сестренкой
Шурой написано оно.
Листок бумаги чистой
я выменял на хлеб...
Бей, папочка, фашистов,
бей папочка, фашистов,
бей, папочка, фашистов,
тебе пишу я, Глеб.

Сказала тетя Валя, что
мы живем, как все...
Колосья собирал я
на сжатой полосе.
Мякиной для лепешек
разжиться удалось.
Немного есть картошек,
переживем, авось.
Бумаги вот немножко,
не знаю, что писать.

Я Шуркину ладошку
хочу обрисовать, вот
только подмешаю из
угольев чернил...

Бей, папочка, фашистов,
бей папочка, фашистов,
бей, папочка, фашистов,
покуда хватит сил!

А тут, где ниже строчек
запрещено писать,
увидишь много точек,
но должен ты понять,
что это Шурка – пушки
хотела рисовать.

Она ведь голосиста, не
дашь – заплачет враз...

Бей, папочка, фашистов,
бей папочка, фашистов,
бей, папочка, фашистов,
за маму и за нас!

Соседки прибежали,
просили слать привет.

...А мы на фронт послали
перчатки и кiset!

Смех!.. Образок Пречистой
послала бабка вам...

Бей, папочка, фашистов,
бей папочка, фашистов,
бей, папочка, фашистов,
и возвращайся к нам!

Военная цензура, я
шлю тебе привет,
и шлет сестренка Шура,
а мамы нашей нет...

И вы не зачеркните в
письмишке ничего...

Бей, папочка, фашистов,
бей папочка, фашистов,
бей, папочка, фашистов,
бей!

Всех до одного!

Андрей КАРПИН,
Петрозаводск - п.Муезерский
– Турку (Финляндия)

ОНДОЗЕРСКИЙ ДЕСАНТ
(отрывки из поэмы)

В начале 1942 года из Приволжского военного округа на Карельский фронт прибыла 85-я морская стрелковая бригада численностью до 180 человек, которую определили на Ребольское направление. На рассвете 1 сентября 1942 года бригада начала высадку «лодочного» десанта на западный берег Ондозера с целью уничтожить находившуюся там вражескую артиллерийскую батарею. Через трое суток в продырявленной, чуть не до краев полной воды плоскодонке вернулся раненый матрос Мочихин. С трудом шевеля губами, он чуть слышно проговорил: «Все погибли. Я один остался».

1.

Катерок, толкающий плоты,
приглушил у пирса обороты.
Не терпело дело суеты, мы
же – оторвали от работы.
Выглянул усталый моторист,
удивляясь: «И куда так срочно?.. Все
готовы? Ну, тогда садись. Довезу вас
к тем болотным кочкам!..

Спрятались от ветра на корму – для
гостей удобства нет в помине...

– Что-то, братцы, я вас не пойму.
Ну, чего лопатить в этой тине?
Под водой немного-то найдешь.
Понимаю, если это танки, пушка,
автомат... Положим, нож... Но
какие там теперь останки?

2.

Катер вспарывал волну.
Катер вез нас на войну.

3.

Пересели в лодку. Без охоты
кормчий в руки взял тяжелый
шест. Оттолкнулись...

– Вот оно, болото.

Раньше сухо было все окрест.
Пацанами здесь мы пропадали,
гильзы собирали да грибы...
Ну, а после – воду в речку дали:
сплав важнее.

От его судьбы план
зависит. Ну, а мы – от плана. Лес
– кормилец, он в колоде – туз. Без
него не залечить бы раны... Так и
появился этот шлюз.

4.
Да, здесь...

Сто метров влево, вправо –
да разве нынче в метрах суть?
В свой бой – последний, смертный, правый –
они смогли вступить. Шагнуть, как на
тяжелую работу, к которой не лежит душа,
но делать надо!..

Разве кто-
то в обиде бросит малыша?
Детей сиротами оставит?
А Родину – отдаст врагу?!
...Они шагнули к переправе.
Десант – на этом берегу.

5.
Могу представить этот
день, накат волны рябой и
тишины густую тень...
Не представляю бой!
Никак не преступить черты –
последней, роковой, когда со
смертью ты на «ты»... Не
представляю бой...

6.
В яме вода по колено, по
грудь. Здесь и лопата тупа.
...Черпали воду мы, черпали
муть. Черпали – черепа.
Кстати, остатки бушлатов, штанин –
я это видел сам – все, что осталось
от сильных мужчин
там, где прошел десант.
В этом красоты, вымысла нет:
где уж тут до красот!
Тем, кто копал – по семнадцати
лет. И перекошенный рот.
Кто-то бранит поколенья
мое, я усмехнусь-промолчу:
«Что же, давайте-ка с нами!»
Встаем
тут вот, плечом к плечу...

7.
Болото месили. Устали. Не ныли –
иначе же грош нам цена!
Чем слушать спокойно и сказки, и были –
хотим воскресить имена.
К чему?
Чтобы помнили люди и знали,

что были такие и есть.
Чтоб в них сорванцы, как в Чапая,
играли. Чтоб павшим – и слава, и честь!

8.

Сорок второй...
Предрассветный туман.
То-то хорош здесь клев!
Но поскорей бы на свой
лиман... ..Да, капитан Ковалев,
море родное так далеко.
Рядом, на суше – враг...
Будет сегодня всем нелегко.
Ну, да ведь ты – моряк!
Пусть сухопутный, на
берегу, но оттого и злей.
Сломим хребет становой врагу,
сотня морских чертей!

9.

Сто сорок севастопольских братишек,
по форме и по духу – все родня,
сентябрьской ночью (в небе звезд излишек), с
надеждой ждали наступленья дня.
Скорее в бой!

Уже ушла разведка
прощупать этот финский гарнизон.
Вот первая звезда упала... Метко!

И обожгла матросскую ладонь –
осколок!..

Боли нет, одна обида:

– Черт, обнаружили! Давай за пулемет!..
А медсестренка – Таня или Лида? – Уже
второй пакет над кем-то рвет... ..Их
звезды-судьбы ныне обманули.
И двое суток, проще – до конца! –
шел звездный дождь.
И отпевали пули –
то твоего, то моего отца.

10.

За Лаезером лают пулеметы и
скалит зубы хищно все по счету,
гранат – поштучно...

Ни один матрос
не дрогнул в том бою, врагу не
сдался... Уже теснят, уже со всех
сторон... Малеванчук гранатой
подорвался, а Ковалев? Тот не успел
патрон дослать в свой маузер – убило
командира.

Рука березку держит, словно вант...
Да так ли расскажу, как это было?
Как Ондозерский погибал десант?

11.

Вода надолго затопила
то место.

...Есть безымянные могилы.
Но нет созвездий без имен!
1985 г.

Валерий САВЕЛЬЕВ
Красноярск – Ленинград
– Петрозаводск

* * *

Край партизанский... Пудожская
Шала... Онего – фронтовая полоса.
Уходит в рейд от шальского причала
отряд бойцов... Вернутся ли назад?
И не солдаты, а еще мальчишки,
пошли они дорогами войны, не
дочитав учебники и книжки, не
отлюбив еще своей весны.

Прошел отряд по гарнизонам с боем,
посеял страх и отомстил врагу.
В обратный путь ребята вышли
строем, не ведая, что ждет на берегу.
Спуск на Онего. Выслали дозор.
Разведка доложила: «Путь свободен».
И рядом уж заснеженный простор...
И стал отряд не слишком осторожен!
Не знали парни, что их ждет засада здесь
– на последнем спуске роковом... Огонь,
гранаты, кровь... И нет отряда!
И только речь чужая надо льдом.

...Заплачет мать и загрустит девчонка,
растерянно на лавку сядет дед, когда
придут по почте похоронки.
И все поймут: мальчишек больше нет.

БАЛЛАДА О ШАПКЕ МАННЕРГЕЙМА

Ночь бела, как глаза белофинна,
Нестерпимо бела.
Как серебряный призрак, машина
По дороге плыла.

Маннергейм поглядел, подивился
Застарелой тоске.
Сколько лет за Карелию бился,
Но Карелия – с кем?

...«Иль не воздано высшею мерой,
Красным благодаря,
Той России – с непрочною верой
В Бога или в царя?»

Ставил я на родство и соседство
Близость финнов-карел.
Просчитался, и до самоедства,
Очевидно, дозрел.

Зря надеялись мы на соседа,
Он с ощиркой: «Не трожь!»
Ах ты, шаткая наша победа,
Ни за грош пропадешь!
Кровь народа их пьющий клоповник –
С нашей, с их стороны.

...Тишь в селе, как ушли хоронить.
Сам отсюда, просил наш полковник
Разузнать о родных.

Годы, годы... Не он ли в двадцатом,
Хват, боец и игрок,
В плен попав, досадил краснозадым,
От расстрела утек?

Как его повели для расхода,
Попросился в нужник.
Дурно всякая пахнет свобода...
Все же выбрался парень – и ходу,
Настоящий мужик.

Через лес, по морозу, в исподнем,
Шел по компасу звезд
И добрался спасеньем Господним
Не за сорок ли верст».

... Книгу старую память листает.
С голубенью очей
Мальчик в сиром селе подрастает,
Чей же все-таки, чей?

«Ванька Лоттарев». Что же, прекрасно,
Отыскалась родня.
Знать не знает он, белый иль красный,
Детски душу храня.

Это жизнь верховодит над всеми,
Не советы иль сейм.
Шапку снял и на детское темя
Возложил Маннергейм,

Генеральскую, с яркой кокардой,
Дорогого сукна,
Словно лучшим отметил подарком
Дорогого сынка.

Груз немислимый с шапкой подарен,
И с таким незнаком,
Мальчик вырос, как будто ударен
Пыльноватым мешком.

Любит небо в жемчужной мерлушке,
Как приют праотцов.
Шапка служит гнездом не кукушке,
А семейству скворцов.

И не чтоб хотел схорониться
Он от жизни в тени -
Вверил птицам – не зная границы,
Прилетали они.

1990

Юрий ЗВЯГИН п.Рабочеостровск Кемского
р-на - Кемь

СМЕРТЬ МАШИНИСТА

*Памяти кемских паровозников,
погибших в годы Великой
Отечественной войны*

Догнала стая «мессершмиттов» в пути
ваш маленький состав.
вот уже, свинцом прошитый, упал ты,
руки распластав.
На миг помощник с кочегаром остались
словно не у дел.
паровоз, объятый паром,
без рук твоих осиротел.

Парило в будке, словно в бане. Ругаясь на фашистов зло, помощник твой без колебаний шагнул за «правое крыло». И кочегар, совсем девчонка, вертелась рядом, как юла, поленья вспыхивали звонко, и снова топка ожила.

Почти оглохшие от свиста, они вступили в смертный бой, и, может, реверс машиниста стал их счастливою судьбой. Тряс паровоз дымящей гривой, ни рельс не чувствуя, ни шпал, то мчался в бешеном порыве, то словно вкопанный вставал.

Кружили «мессеры», как осы, и землю рвали на куски, но пело сердце паровоза, крылатой смерти вопреки.

...Прошли сквозь пекло огневое, в родной вернулись городок, и только ты своих героев обнять по-дружески не мог.

Николай ФЕДОРОВ д.Нехина гора
Осташковского р-на
Калининской обл.- Петрозаводск

ОГНЕННОЕ ЛЕТО

Что было нажито трудами – дотла спалил пожар войны. Огонь метался меж садами, и ветки яблонь увядали, нещадно им опалены.

В деревне все дома сгорели. Мы, не найдя жилищ своих, срывали яблоки и ели:
они – печеные висели.

И я не помню, в самом деле,
и слаще их,
и горше их.

Сергей СИЛИН Выборг –
Лахденпохья – Сортавала

ХЛЕБНЫЙ ОБОЗ

Рук не хватало. Надвигался голод. Правленье мне доверило обоз с пшеницею: сопровождай-де в город.

Не оправдал надежды, не довез... Глаза, казалось, лопнули от вспышки.

Удар отбросил: он стрелял в
упор. Семнадцать мне – мужик!
Теперь – мальчишки... Укрыться мог:
в полсотни метров бор.

Не хвастовство, помилуй бога ради. По
разуму – дитя в семнадцать всяк...
Через года, в тот давний вечер глядя,
отмечу: в голове гулял сквозняк...

В том не винюсь, что отпустил
девчонок (стоял декабрь) до ближнего
жилья. Морозец пробирал до селезенки.
«Застудятся еще», – подумал я.
Стрельбу заслышав, будто по тревоге,
примчались. Сердце женское – вещун...
Когда успел? – его я ранил в ногу.
Хошь – верь, хошь – нет: мозги не полощу...

Почти полгода по больничным койкам.
А к непогоде грудь горит огнем.

И что заметил: на дежурстве стойко
переношу, а по утрам и днем... Тот –
на суде... Не голодал – присоска. На
корм скоту тащил да на пропой.

А рожа! Говорили: папироску
прикуришь мигом – не залить водой.

А я с тех пор в деревне вечный сторож:
сельпо, контора, ферма – рубежи... Был
пареньком – шло времечко не споро.
Теперь-то как торопится, бежит!

Виктор СЕРГИН д.Мянсельга
Кондопожского р-на – Урал
-Кондопога – Москва - Петрозаводск

* * *

Это было в году предпобедном,
на еду и на радости бедном, в
грозном сорок четвертом году.

Город наш – весь в руинах и
пепле, черный понизу, поверху
светлый... А по улице – пленных
ведут.

Шла шеренгами серая масса.
Каждый рад, что он все-таки спасся,
робость лиц, жуткий шорох сапог.
Проползала змея меж развалин,
хвост ее был закатом раздавлен,
голова же ползла на восток.

Мы впервые их видели –
немцев!

И у каждого дрогнуло сердце,
опаленное близью врага.

И седая старушка шептала:

«Посмотрите, как наших-то мало...»

И дрожала над пылью рука.

Рейо ТАКАЛА Петрозаводск – Олонец
- Петрозаводск

* * *

Немцы строили мост,
сваи в воду вбивали,
левый берег маячил дощатой
сторожкой. В перекурах они в той
сторожке певали,
пробавляясь нехитрой губною гармошкой.

Немцы строили мост.
И Олонка катилась
в тихих водах июльских и вовсе не
пенных, но в струях ее что-то такое
таилось,
ускользая от взгляда работавших пленных.

Немцы строили мост
молчаливо, без спешки,
мы в них белые камешки робко кидали,
незлобиво бросали, как будто орешки,
и, укрывшись в кустах, их реакции ждали.

Но они наших камешков
не замечали,
словно не было нас, словно не было
лета. Молотками стучали и больше –
молчали.
И было понятным молчание это.

ВСТРЕЧА

Считала без вести пропавшим,
а он пришел к тебе домой,
седой, лекарствами
пропахший, солдат,
израненный войной. Он встал у
самого порога, и ты по-женски
поняла, какая трудная дорога
домой солдата привела.

Ты поняла, какие муки прошел
он, жизнь не разлюбя, и, может
быть, впервые руки вдруг не
послушались тебя. Ты
встрепенулась и прижалась
к нему, уткнувшись в грудь
лицом. И он увидел, что не
жалость была в твоём порыве том.

Солдат заплакал, не сдержался.
С ним было это в первый раз.
Он на мгновенье растерялся
под взглядом милых женских глаз.
Они доверчиво глядели,
налюбоваться не могли солдатом
в выцветшей шинели,
отвоевавшим полземли.
1955 г.

Виктор
АКСЕНОВ Кемь

Отцу

С боем взял солдат рейхстаг
и поднял над ним свой флаг,
красный флаг страны родной,
в мире самый дорогой.
За нее, за свой народ шел
солдат вперед, вперед –
от полей от подмосковных
до берлинских до ворот.

Немчура хвалилась свету,
что Москву себе возьмет,
а потом и – всю планету к
лапам рейха приберет. Не
видал Москву-столицу
немец ни один,
но зато пришел советский,
наш солдат в Берлин!

Над Кремлем московским
реет красный стяг, над
рейхстагом ветром веет –
красный флаг!
1970-1980-е гг.

Валерий САВЕЛЬЕВ

* * *

К.И.Кижину

Взят рейхстаг! И кругом – тишина, тишина...
И подумал майор, возвращаясь с войны:
«Повезло! Хоть уже на висках седина – буду
жить!!! А могло ведь и – вечные сны...» С
фронта к матери шел. И медали звенели.
И мечталось: поднимет ее на руках!
От забот и от времени все мы стареем...
Слезы! Слезы впервые в майорских глазах...

Похоронку одну мать дрожащей рукою
положила пред ним, чтоб достать и –
вторую: он для матери дважды убит был
войною... И прижал он к губам ее руку
худую. Осмотрелся кругом. И глаза б не
глядели: сколько дел! Что до этого сделано
было, то – прах.

...Долго солнцем награды его не блестели:
он работал. Работа кипела в руках.

Михаил СЫСОЙКОВ с.Шуя
Прионежского р-на - Петрозаводск

СТАЛИН НА ПАРАДЕ ПОБЕДЫ

Победа!

Перед парадом
вождь всходит на Мавзолей.
Стоит одиноко. А рядом
немало военных людей,
бессонно победу ковавших.
Но не панибратствует он, ему
это чуждо: он, маршал, всех
выше судьбой вознесен!

Багряные стяги на зданиях.
Один во всю стену портрет
вождя всех народов Сталина,
что смотрит параду вослед.
Шагают фронты за фронтами
– и цокот, и рокот, и лязг...
Чужие знамена с орлами на
камни брусчатки летят.

Как солнце, сияет Победа.
Россия к ней трудно пришла,
все смертные муки изведав,
чуть было костями не легла.
Не ведала и не знала, что
там, в заповедных снегах,
в пустынях и за Уралом
другая Россия страдала,
безвестная, погибала
в бесчисленных лагерях...
Но горец потерь не считает!
Он смотрит с усмешкой вперед
и здравицу провозглашает за
русский великий народ...

Победа!

Чье сердце не радо, что
злбный низвергнут тиран!
...И я ведь шагал на параде,
великой войны ветеран.

Анатолий ШОРШНЕВ п.Микли
Лахденпохского р-на - п.Пиндуши
Медвежьегорского р-на - о.Валаам-
п.Хаапалампи Сортавальского р-на

ГАРМОНЬ ДЯДИ МИШИ

Заснул солдат глубоким
сном, не вымолвит ни звука.
Я расскажу, что знал о нем.
Молчать мне – грех и мука...
Красивым он, здоровым рос,
отличным гармонистом.
Любил работу, свой колхоз в
местечке неказистом.
А за два года до войны
он принимал присягу. О
доме часто видел сны,
девчат, парней ватагу.
Вот так и встретил он
войну, шинели не снимая.
И ранен был, и был в плену
– судьба, видать, такая.

Победа! Свой кругом народ,
но радость омрачилась:
проверка длилась целый
год. Задержка получилась.
И в результате – восемь лет
он странствовал по свету.

И мать сказала: «Чуда нет.
Живого Миши нету».
Не осуждайте второпях,
ведь ждать она умела,
да похоронку на руках
четвертый год имела.

Говорилось в ней: «Погиб
Михаил Чекушин.
Лоб осколочек прошиб и
развеял душу...» Даже
точный адрес дан той
могилы братской, но
жестоким был обман в
весточке солдатской.
Михаил же – он живой! –
хоть поранен сильно, на
попутке мчал домой по
дороге пыльной.
В гимнастерке, с вещмешком,
на ногах обмотки.
И в село он прибыл днем,
захмелев без водки.

А мать на улице села –
привычку заимела – хоть
Михаила не ждала, но
часто вдаль смотрела.
И вот увидела она:
к селу идет машина,
гармошка из нее слышна.
И вспомнила про сына.
Остановился грузовик и
постоял немножко, и
прикусила свой язык
горластая гармошка.
Но вот опять машина та
помчалась, пыль взметая.
Гармонь запела, но – не
так. Игра была другая!
Ушла машина. Только вот –
воспоминанья живы! –
видать: по улице идет к ней
человек служивый.

Подошел и слышно еле
говорит, а в горле дрожь:
«Здравствуй, мама! Неужели
ты меня не узнаешь?

После длительной дороги
я пришел в село свое...»
Присмотрелась мать, и
ноги подкосились у нее.
Восемь лет, не две недели
крался голод по пятам,
все изрядно постарели, а
особенно он сам...

Всем, понятно, было тяжело,
хворых некогда лечить.
Угостили Мишу бражкой,
пожелали долго жить. Жили
плохо, жили всяко:
доводилось пить хвою.
В двадцать восемь лет,
однако, Михаил завел семью.

Но погибла дочка
Вера, а сберег Надежду
он, да и сына-кавалера:
Александром наречен!
Сына он назвал в честь брата,
без вести пропавшего.
День за днем росли
ребята у героя нашего.

Трудился много Михаил
до самого ухода:
молот зерно и крыши крыл
для своего народа.
Болел... Но удочку любил,
и помогла природа,
так в общей сложности
прожил он шестьдесят два
года. Нелегкой жизнь его
была, в заботах скоротечна, но
вечны славные дела и память
тоже вечна.
И, пусть невзрачная на вид, –
на видном месте, гляньте –
совсем как памятник стоит
гармошка на серванте!
1984-1985 гг.

Лев ЛЕВИНСОН

СЕРЖАНТ СМИРНОВ

Я – самый младший из участников войны,
мне тридцать три. Я сплю. Я вижу сны.
На мне шинель по росту. Я в ремне и
сапоги скрипучие на мне.

Я в прошлое лечу –

назад, назад, в
ушедший мир, в далекий медсанбат...
А в медсанбате есть сержант Смирнов.
Ему лет двадцать, он не видит снов.
В нем скрыто три осколка – дар войны,
как ордена, что людям не видны.
Он белокур, он строен и высок.
Косая прядь упала на висок.
А руки по-крестьянски тяжелы,
как два куска обточенной скалы.

«Отвоевался, парень. В тыл пора», –
твердят ему все время доктора. –
«Ты ранен, парень. Не твоя вина,
что без тебя окончится война».

Но под Смоленском или под Орлом
вошли враги в его крестьянский
дом. И дом горел и догорел во мгле,
и он один остался на земле.

Ни стен, ни крыши, ни родных
очей, лишь груда обгоревших
кирпичей, и в сердце боль –

навсегда, навсегда,
как в небесах полярная звезда.

Мне восемь лет. Я маленький комок.
Я трусь, как пес, возле солдатских ног.
Мой мир велик, беспомощен и нов, и в
этом мире есть сержант Смирнов.
Я сплю в казарме, койка у стены.
Я вижу сны. О чем я вижу сны?
О том, что я большой, что я солдат...
Ушедший мир, далекий медсанбат.

Виктор СЕРГИН

ПИЛОСТАВ

Сняли на стенах круглые пилы,
каждая – солнце с протуберанцами!
Горячие пилы и пели, и стыли, когда
пилостав пробовал пальцами их.

Он выдавал всегда с улыбкой:
– Зубья стальные. Но бабьи – крепче! И
бабы уходили походкой зыбкой, пилу,
словно солнце, взвалив на плечи.

А он, поскрипывая протезом,
за ними следовал к пилораме,
капельку крови слизнув с пореза –
на сизом, на старом военном
шраме.

* * *

По селу ходит старая женщина,
говорит, заходя в каждый дом:
– Сны мне снятся хорошие, вещице...
Мне такое недавно обещано!
Ваня! Митя! Живые притом!
Скоро, скоро я стану богатою,
мужиков своих получу!
И меня – седую, горбатую –
будут гладить они по плечу.

Принимали ее снисходительно,
наливали ей в чашку чай,
отвечали ей доверительно:
«Жди. Конечно, придут.
Встречай». Провожали, совали
булочку, головами качали вслед...
Выходила она в проулочек,
обнимала весь белый свет.

Михаил ГУБИН п.Хелюля
Сортавальского р-на

ПОМНЯТ БЕРЕЗЫ (отрывок)

...Взглянул на меня, а виски все –
седые, лоб, меченый шрамом, нет левой
руки. Звезда на груди и награды другие.
Сказал: «Тут горячие были деньки.
Здесь письма писали – на гильзах
снарядов
в воронках, сверливших плацдарм огневой.
Не видели жены светлеющих взглядов
бойцов, получавших конверт полевой.
Здесь грудью к земле прирастали солдаты.

А боя проталины – трупы врагов
чернели под городом, к снегу прижаты

огнем орудийным из наших стволов.
И мы победили...

Тут помнят березы:
из роты в живых я остался один...» Он
смок. Навернулись тяжелые слезы –
мужские, скупые и цвета седин.

Игорь НОГТЕВ

СТАРАЯ СОСНА

Велением природы на отшибе, чуть
наклоняясь, от сверстниц в стороне
стоит сосна в своей короткой шубе,
зажав звезду в шершавой пятерне.

Над ней годами бесновались вьюги,
ее дожди безжалостно секли.

И вот однажды попытались люди
спилить ее, но так и не смогли.

Осколки оказались в сердцевине –
свидетели крутых годин войны. И
кажется: с далеких пор поныне
в ней стойкость и любовь воплощены.

В скалу вцепившись узловатой
лапой, над бедами возвысилась она.
И верю я, что ей нельзя быть слабой –
в ней навсегда война погребена.
1967 г.

Тайсто СУММАНЕН

* * *

Маленьким ты казался бы у
подножия собственного памятника,
уходящего в небо, точно загадочное
изваяние с острова Пасхи.

Маленьким ты казался,
когда с гранатой в руке
полз через бескрайнюю равнину
навстречу «Тигру», – не больше
муравья в поле.

Маленьким ты казался,
когда лежал недвижимо
на развороченной гусеницами земле,
– всего лишь с птенца, подбитого на
черной осенней пашне.

Но в тот миг, когда ты поднялся для
последнего броска,
ты был так велик, так огромен,
что закрыл спиной всю страну,
заслонил собой всю землю.
Авторизованный перевод с финского Э.Балашова

Борис ИЛЬЮТИК

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

В час, когда листвы горящей
стая начинает хоровод водить,
вижу, хочет осень золотая всех
погибших щедро наградить.
И в сентябрьский – ветреный, холодный
– день, с дождем пожаловавший к нам,
листья эти яркие – подобны боевым
геройским орденам.
Их не зря она позолотила,
осень, долгу своему верна,
и они ложатся на могилу
золотые, словно ордена.
Ноябрь 2009 г.

Анна БИРЮКОВА
Костомукша

* * *

*Моему прадедушке Герою Советского Союза Федору Денисовичу Федину
(отрывок)*

Вечереет. Алый от заката,
лес играет тихою листвой.
К памятнику дедушки-солдата
я иду тропинкою лесной.
Он стоит в саду, со школой рядом,
где толпится шумно детвора,
возвышаясь над пришкольным
садом, охраняет он наш мир всегда.
2000-е гг.

Эрик ТУЛИН

* * *

В моей руке лежит патрон. Лежит,
как мертвый почтальон...

Копили гильзы гнев – не порох.
Сжимали письма – не свинец.
Таили письма свист – не
шорох. И не начало, а конец.

Как адрес – выстрел.
Меднозвонный, в себя
вобравший чей-то стон,
на землю падал задымленный,
письмо вручивший – почтальон...
И после этой переписки
всходили звезды
обелисков, а слезы,
        будто звезды,
падали.
И матери, припав к земле,
края могил руками гладили,
как гладят плечи сыновей.

Вячеслав ФЕЩЕНКО Харлу
Питкярантского р-на –
Петрозаводск

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НАЙДЕННЫМ ПАТРОНОМ

Патрон фашистский к
автомату, как долго он лежал в
земле. Предназначался он не
мне, предназначался он не
брату. Брат, отслуживший на
границе, атак врага не
отражал, и я тогда не воевал:
пришлось нам после войн родиться.
Но на горячей Украине тогда
могло случиться так:
поймал в прицел проклятый
враг отца... И мы б не жили
ныне.

Дмитрий ГОРДИЕНКО
Петрозаводск

* * *

Ночь. Июнь. Зелень зыбких крон.
Сень тумана. Росная россыпь.
Холод трав. Краткий солнца сон
скоро утра нарушит поступь.
Тишина стучится в груди и
звенит комариным роем.
Самый долгий день впереди,
самый долгий.
Двадцать второе...

4. МЕНЯ НА ВОСТОК УВОЗИЛИ...

Валентин УСТИНОВ, г. Луга
Ленинградской обл.- Ленинград –
Архангельск –Петрозаводск - Москва

БОЛЬШАК
(отрывок из поэмы)

Василию Шарову
Всю ночь мы уходили
большаком. Горел июль.
Навстречу шла пехота.
Дымилась паром Мстинские болота.
Дымил большак растоптанным песком.
Всю ночь мы уходили в тишину –
мальчишки и девчонки из детдома.
И слушали огромную войну.
И путали ее с протяжным громом.

Мы только начинали жить тогда.
И первые мои воспоминанья:
в помятый чайник бьющая вода на
маленьком разъезде без названья.
Там, над холмом, на семь ветров
страны расправив сучьев крепкие
суставы, вздымался дуб, от грозной
вышины укрыв собой обозы и составы.

...Внезапный свист.

И вмиг (как смерть нага!)
земля распалась в рыжем смерче взрыва.
И рядом в небе, вздыбленная
криво, качалась вехой конская нога.
Состав чадил.
Треща, пылали бревна.
По щепьям дуба густо лился сок.
Наш воспитатель Ксения Петровна
пыталась встать – и падала в песок.

Она шептала – пот катился градом
– прерывисто, клокочущее дыша:
– Не ждите... Уходите... Эти рядом...
Веди их, слышишь?!

Ты теперь большак... – Потом
умолкла. Помню только ком
Песка в ладони – бурый, теплый, клейкий...
Потом мы шли июльским большаком в
прожженных, взрослых, жарких телогрейках...

* * *

Тогда большак шел только на восток.
Над ним дождем осколки моросили.
Концом пути казался нам исток.
Но мы уже узнали: мы – Россия.
У эшелонов клянчили погоны,
выспрашивая взрослых о войне.
Рвались назад – влезая под вагоны,
мотаясь бесприютно по стране.
На полустанках с голодухи пухли,
тая в глазах горячечную боль – и
черные угрюмые старухи, жалея,
забирали нас с собой.

.....

Мы вместе с ними осенью вставали
и, взяв мешки, корзины, туески,
шли по жнивью. И молча собирали
опавшие при жатве колоски.
Опорки расползались на ногах.
Терпели все, друг друга убеждая,
Что каждый новый колос урожая –
еще обойма в сторону врага...
1969 г.

Петрозаводск – Подмосковье –
Средняя Азия – Урал - Петрозаводск

* * *

Беженцы... беженцы... дальние, близкие...
Стылая пристань, мерцающая во мгле, будто
плывет над затонами кижскими. Бродит
фонарь по былинной земле.
Боже, прости им сравнение невольное
сумерек храма и трюма баржи!..

Люди в пути помогли сердобольные,
дали по горсти мороженой ржи.
Изголодались, намерзлись, измучились,
тропку по белому свету торя, в храмовой
тьме заблудившимся лучиком
шли по дрова в глубину алтаря...
Глеет сухое иконное дерево, груды
намоленных досок темны...

Сколько еще бедолагам отмерено
скорби народной, народной вины?
Мамки и детки – великие грешники!
Плачет старинных икон киноварь...
Залиты заревом тучи кромешные:
Божий над пристанью поднят фонарь.

ЭВАКУАЦИЯ

Мама Тасе С¹ вошью
дружен Турксиб¹ в стужу.
У теплушек – одно название.
Этот поезд, кому он нужен! –
пасынок всех расписаний...

Вот те тыл – кокон ферганский.²
Тут война не бомбою – эхом.
И кишит кишлак басурманский.
Звеня беззаботным смехом.

Ох, и лют же озноб в зное!
Там. В Оше.³ В бреду маляринном...
Это ты, склоняясь надо мною, ты
была, Мать Мария...

Завтрак щедр – тутовник⁴ со
жмыхом. Изойдешь слюной на
базаре... Кабы нам без русского лиха
в райской той солнечной хмари.

Как же скоро она тает.
Что ледышка, хлеба горбушка...
Мама, мамочка, ты святая... Мы
– домой из страны душной!
.....

Рейо ТАКАЛА

МАТЕРИ (отрывок)

...Мы жили двое. Трудно было.
И в этом не твоя вина:
из-за опушки леса была прямой
наводкою война. Собрав
соседских ребятишек,
спускалась с ними ты в подвал,
пока не становилось тише, и
враг стрелять не уставал.

---

¹ Турксиб – Туркестано-Сибирская железная дорога.

² Ферганская долина.

³ Ош – город в Киргизии.

⁴ Плоды тутового дерева, шелковицы.

Я помню детские глазенки,
ведь на полгода старше был.
Чужие братья и сестренки,
мы вместе уезжали в тыл...

ПОСЛЕДНЯЯ БАРЖА (отрывок)

Ее на пути не повезло:
взята в прицела перекрестье,
разрыв – и рубку разнесло с
нефлотским экипажем вместе.
Второй разрыв смертельным был,
и трюм водою захлестнуло.
Баржа плыла в далекий тыл
и не дошла, а затонула...

* * *

Меня на восток увозили.
А я уезжать не хотел.

...Солдат иркутянин Василий
у печки-временки сидел.
Над дверцей развесив портянки,
рассказывал мне о войне.
– У немца, брат, пушки и танки,
силен он, понятно вполне...
И женщины громко вздыхали,
к груди прижимая детей.
И плыли за окнами дали
бессонной России моей.

И вот на одном полустанке
ушел мой знакомый солдат,
мне сунув тушенки полбанки
и мягкий, как воск, шоколад.
Обнял и бородкою куцей
кольнул на прощанье меня.
– Ну, если доедешь – в Иркутске
слезай, у меня там родня...

И снова дорожные версты,
стоянки по нескольку дней,
и красные гневные звезды
на шапках военных людей.
И – путь в ожиданьи нелегком.
И я, убаюканный сном,
мечтал об Иркутске далеком,
как будто о доме родном.
1967 г.

Олег МИШИН (Армас Хийри), д.Пустошка
Мгинского р-на Ленинградской обл.-Омск -
Пудож-Петрозаводск -Финляндия

* * *

Из вагонов – по насыпи
вниз, по ягодам толокнянки,
в вое и реве бомбардировщиков,
в сорочьем стрекоте
пулеметов скатывались и,
задыхаясь, бежали
в ближайший лесок,
и там, прижимаясь к поленнице,
ждали.

Мать держала меня за руку,
крепко прижимая к груди
моего младшего братишку.
А самолет пикировал прямо на нас.
И вдруг мать засмеялась

навстречу
пикирующему самолету.
Она хохотала неистово,
запрокинув голову.
Она смеялась еще и потом,
когда самолеты ушли.
Плечи ее содрогнулись,
когда ей помогали
подняться в вагон.

Алексей АВДЫШЕВ

* * *

Мелодия скорбная глуше, в
тоске оркестровая медь...
Нам в детстве не трогала душу
совсем непонятная смерть.

При случае, дружно и звонко,
под отблеск лучистого дня
печальной толпе: «Похоронка!» –
кричала вослед ребятыня.

Жизнь, смерть... Близко это
соседство. Когда же, в начале войны,
бомбежкой смело наше детство, весь
ужас той, смертной, цены узнали и
мы, пацаны...

* * *

Я помню голод той поры военной, тот
тусклый, зимний день обыкновенный.
Шел снег, и я – так резко ветер дул –
плотней детдомовскую куртку застегнул.
И к воровству душа была
готова. Но ангел спас меня.
И я, без слова, за подаяньем руку протянул.
И дали хлеба мне.
Рука и до сих пор как бы в огне!..

* * *

Нам руки согревали кружки,
крутой вокзальный кипяток...
Составы, с нарами теплушки.
Как крик о помощи – гудок.
Мы хлебу, свету, жизни рады.
А то, что было – нет лютей...
От голода, от злой блокады
страна спасла своих детей.
И перегоны, перегоны –
туда, где тишина и ширь!
Везут нас медленно вагоны
в благословенную Сибирь...

Тайсто СУММАНЕН

ГОД СОРОК ПЕРВЫЙ

Была зима. Война была вдали.
Ее разрывы грохотали где-то.
Ее скучными вестниками шли
к нам номера знакомой
райгазеты. Темнело.
Был метели голос глух, поземка
закипела белой пеной, когда я
райгазету брал и вслух читал
перед пылающею печкой.

Тревожно бились отблески огня
на желто-серых полосах газеты.
Вокруг сидели женщины-соседки
и молчаливо слушали меня.
Они в огонь смотрели,

словно в ночь,
как будто их внезапно ослепили.
И отзывалось болью вновь и вновь
коротенькое слово:
«Отступили».

И были лица детские полны совсем
недетской, сумрачной печали, как
будто дети – отблески войны на
полосах газетных замечали.

А ночью вновь куражилась пурга,
стучала в окна белые, ликуя.

А женщинам все снились
берега родных озер –

Онего или Куйтти.

Я вновь вас вижу, словно в первый раз,
такими вот, как были вы в те годы.

На вас ушанки, ватники на вас

и валенки, большие, как колоды.

И, как мужчины, были вы крепки,

и прямо, по-мужски,

держали плечи.

Работали упрямо, по-мужски.

Ругались по-мужски, а то и хлеще.

Вы были непреклонны. Но порой,
когда сосна, качнувшись, замирала

и вскинутые ветки простирала,

дрожа своей заснеженной корой,

когда, чертя вершиной полукруг,

она летела в снег в недоуменье,

то бабье сердце боль пронзала

вдруг,

и, замерев на месте в то мгновенье,

воочью видели вы, как пурга сквозь

незнакомый лес ползет по-волчьи

и медленно на серые снега

ее любимый оседает молча.

И начинали плакать, причитая,

присев на ствол поваленной

сосны. Районную газету я читаю в

бревенчатой избе, среди тишины.

И печь горит. И все вокруг спокойно.

И память – как узоры на стекле...

А на земле еще бушуют войны, на

древней, исстрадавшейся земле.

Перевод с финского Л.Левинсона

глухом разбойничьем лесу, где
скатилась грустная звезда,
загубили девичью красу,
разлучили с милым навсегда

Потолок угрюмо нависал.
Даже свет не мил в чужом
окне. Я отцу про горе не писал,
– бед ему хватало на войне.
Без людей хороших одному мне
бы всей не вынести тоски, где в
пустом безрадостном дому
гулкие ходили сквозняки...

1. ПИСЬМА ИЗ ДЕТСКОГО ДОМА

В пожарах и разрухе,
в жутком громе
фронт двигался
по выжженной земле.

Но мы беды не знали
в детском доме,
как у Христа за пазухой,
в тепле.

Хотя был взгляд
тревогами притушен,
в которых излучался
добрый свет.

Ведь тень войны по
нашим ясным душам
прошла, на них оставив

вечный след.

К отцам и братьям, и
живым и павшим, на
дальний фронт
просторами полей
летели тихо клинья
писем наших,
как клинья
запоздалых журавлей.

2. ДРУГУ КОЛЬКЕ

Я здесь обживаюсь покуда.
Ботинки ношу без калош.
Живется ни то чтобы худо, да
радость откуда возьмешь?
Я ехал сюда полнедели.
Скрипел под санями мороз.
Тулуп в сельсовете надели,
а то бы в дороге замерз.

3. ОТЦУ НА ФРОНТ

Мечтаю я, как после ледохода
пройдет веселый тихий майский дождь.
И я приду на пристань к пароходу,
с которого по трапу ты сойдешь.
Я подбегу, на шее вмиг повисну.
Шинель запахнет горькою травой.
И я в руках от счастья крепко стисну
линялую пилотку со звездой.

4. ТЕТКЕ ЗА ОНЕГО

В этом дьявольском круговороте
я представить никак не могу,
как вы мучитесь, как вы живете
у врага на другом берегу.

Боже, как сохранить свою душу,
как надежду на счастье сберечь,
если рядом приходится слушать
иноземную грубую речь.

Всеми думами к вашему краю
я стремлюсь, словно перст одинокий,
и как детство, как сон вспоминаю
золотистый прибрежный песок.
Все смотрю на заснеженный дальний
зимний путь и темнеющий лед: может,
путник какой ненормальный весь
благию от вас принесет?

В дом войдет и дохнет холодиной,
дунет в чашу озябнувших рук...
Но с последней весеннею льдиной все
надежды растаяли вдруг.
Написал я письмо и не знаю,
что с ним делать, куда отнести.
Может, почта возьмет полевая?
Да в каком ее поле найти.

Вячеслав АГАПИТОВ, с.Ламбасручей
(Заонежье) - п.Марциальные
воды(Петрозаводск) - г.Петрозаводск

ЛАМБАСРУЦКИЙ СКАЗ (написано на
заонежском диалекте русского языка) (отрывок)

...А с Покрову с первым снегом
война страшный дала вedom:
в гунях белых пришли финны –
лыжи ходки, ладны спины.
– Терве! – шоколадкой манят,
в избы летних ложню ладят.
Дедка Мамонтов тут скаже:
– Затоскуете гораже! Пускай
прежня власть худая, да и
эти не из рая.
Стане небушко в овчинку,
погоняют как скотинку.

Барин в Рождеству явился,
лику Спасову крестился.
Выпытали: сам с Корелы,
бежал к финнам с властью
белай. Мниги посулил свободы,
коль корельской кто породы, а
покуль с большой заботы солдат
стал у изгороды.
Худо жили, ели путки, не
по нраву – сиди в будки.
Не видали с зимы жита,
стала бобкой дитяам сито.

Раз тут Шаню вызвал барин
(ни для песен или старин).
Видна девка, ему мила, сам
предложил, чтобы жила...
Шаня лицеем побелела, ему
скаже: «Угорела».

Да спашнулась в тот же вечер в
одном платье в вешней ветер.
В Пегремы чуть отогрели да и
за порог не смели
больше держать. А доложат?!
Мать-карелка не поможет...

Вышла Шанюжка на лыжню,
пройти Чомгу там уж Лижма.
Губай шильник – помнит
она, идя крем, гди вешено.

Через время зачастила,
кряду в салму угодила.
Бес ли ставит свои силья?
Ойкнула – круг шеи шилья.
– Девку, сродник, надо спасти!
– Нету у нас такой власти.
Круг над Чоргой, круг над Лижмой,
больше Шанюжки не слышно.

– Барин? Барина убили,
партизаны приходили.
Отомстили врази людям
(кто могутней, тот и судит).
В лайбу бросили на лаги,
всих тут отвезли нас в лагерь.
Перво голодом морили, многи
ноженьки сложили. Наши
ближе – легче стало, раз
проснулось флаги алы.

Будто песок, с рук годовья,
все седатее головья. Кажна
судьба ставит мету. Лета
два, как войны нету...

Юрий ЗВЯГИН

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА

А.Д.Баженову

Очень даже непросто точить
боевые мины, если парнишка
ростом чуть повыше станины.
Сам себе перед сменой
под ноги ставит ящик,
хочет стать непременно
токарем настоящим.

Крутит он рукоятки... Что
его ждет после смены?
Чай столовый несладкий,
хлеба паек военный. Из-
под резца проворно
стружка сползает змейкой,
две с половиной нормы –
выжать за смену сумей-ка!

Но не сомкнутся веки,
пусть и глаза устали –
будет стоять он в цехе
на ящике-пьедале.

СМЕРТЬ БАБУШКИ

Я помню, как бабушка умирала
на полу, на шубенке своей.
И в углу, где лампадка мерцала,
тихо плакал святой Матфей.
Я склонился над ней низко-низко,
слышал только дыханье одно:
– Внучек, дай голубую миску,
в которой храним толокно.
Это завтра съешь. Это...
после...» И мизинцем костлявым
она проводила линии косо по
поверхности толокна.
А когда она замолчала,
видел я, как сосна за окном
тонкой веткой луну размечала
на сегодня и на потом.

КРАПИВА

Я цветы обходил стороной,
их считал за ненужное диво.
Я искал те места, где крапива
неприступной стояла стеной.
Обжигаясь зеленым огнем,
обрезал ей колючие ножки...
Необычного цвета лепешки,
обжигаясь, мы ели потом.
А теперь я любитель цветов,
улыбаюсь любому счастливо.

...На задворках стоит крапива,
словно память тех трудных годов.

Анатолий МАРТЫНОВ,
г.Ковров Владимирской обл.-
Ярославль -Петрозаводск

СТРАНИЦА ВОЕННОГО ДЕТСТВА (отрывок)

...За зиму съели всю картошку.
И только снег сошел с земли,
мы взяли в руки по лукошку и
вновь копать ее пошли.
Мы понимали: надо выжить...
Нас голод вновь на поле гнал.
И каждым утром Колька
Стрижев меня у дома поджидал.

Потом в соседний дом за Юркой
мы шли, лопаты волоча.
Падала папина тужурка с
худого детского плеча.

Но вот однажды утром синим,
к нам тенью словно бы пришит,
три наших маленькие спины
избрал мишенью «мессершмидт».
Вдруг страшно покачнулся Коля, и
Юра, падая, затих... Мы
схоронили их в том поле,
в могиле братской на двоих.
С тех пор я каждою из весен
сюда в раздумье прихожу и
на гранит под шелест сосен
гвоздики молча приношу.

Сергей СИЛИН

В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

Пилорама, проще – лесопилка,
ненасытная стальная пасть
пожирает бревна, лишь опилки
белым снегом сыплются, кружась.
Горбыли в отходы носит баба
целый день, согнувшись – будто крик...

«Мужики-то не погибли кабы,
разве это дело бабьих рук?
А другим – ты глянь-ко, будет легче.
Бренна, брат... Не головы кружить...
А инструмент: руки, пуп да плечи.
И харчишко мог бы лучше быть, –
дед-бобыль с одышкою прошамкал.
Он здесь сторож, он и «технорук».
– Не горюй, вернется к ночи мамка.
Что затих-то, по несчастью друг?»

Мать с утра в райцентре. Выбивает
пилы, смазку... Оказали честь!
Да часы попутно обменяет на
муку. Картошки малость есть...
Дед продолжил: «Дело, дом, ребята.
Потускнели бабы от забот...»

Стартовал победный сорок пятый.
Долгожданный.
Нашей славы год.

Тобиас ГУТТАРИ

ПЕТРОЗАВОДСКУ

Я снова здесь, на улицах твоих...
Петрозаводск, о как ты сердцу дорог!
Как тосковал я о садах густых, о
синих, словно небеса, озерах.

Я вспоминаю трудные года,
когда на бой великий нас позвали,
и тот июнь, когда мы вновь сюда
пришли – и ты лежал среди развалин
.

Колючкой мертвой лагерь окружен, на
кладбище – крестов ряды густые, весь
город вражьем пламенем сожжен,
травой покрыты улицы пустые...

Ты вновь встаешь, родной Петрозаводск!
Сияньем утра душу озаряя, ты вырастаешь
вновь у синих вод.
Скажи: не сказка ль жизнь твоя вторая?

Из пепла возрождаясь, город мой, ты
снова нов, ты снова юн и светел.
Твоих сынов, вернувшихся домой,
приветствует, шумя, онежский ветер.

Перевод с финского Ал. Шпирта

5. ...ПОМЯНУТ ВСЕХ И ВСЕХ ПРОСТЯТ

Александр ВАСИЛЬЕВ

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Три поколения в молчании застыли.
Не время и не место душу рвать. Мы
в той войне далекой победили, не
дай нам Бог Победу проиграть.

Не дай нам Бог забыть, что в годы эти
мы защищали Родину, не власть.
И в третьем – неродном – тысячелетье не
дай, Господь, нам без вести пропасть.

Покуда наша память не остыла,
мы верим, что Россия сыновей
посмертно всех – Победой наградила.
Победа не имеет степеней.

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

* * *

Дед в сентябре опять наварит браги
ко дню рожденья сына своего... За
дальней далью, где-то возле Праги
есть обелиск. Цветы вокруг него.
И тополя над ним листву качают,
как колыбель. И звезды с вышины.
А на Руси, на севере страны старик
рожденье сына отмечает –
мальчишки не пришедшего с войны...
Дед выпьет кружку.
И протяжно, глухо
вновь будет петь, о давнем вспоминать.
Из дома с плачем убежит старуха, чтоб
у соседей вечер переждать...
Никто не слышит – лишь родные стены.
Дед горькое справляет торжество.
И ветра гул, как дальний вой сирены,
разворошит глухую боль его.
Рванет рубаху: – Нету больше сил!..
И голову уронит вдруг: – Прости...
Прости, сынок, нам до твоей могилы
отсюда со старухой не дойти...

Листва взметнется над волною чистой,
и упадет звезда на мир ночной...
...Лежат во мгле советские танкисты
под вечною гранитною броней.
А за окном тревожится Онега,
вздыхают волны тяжкие его...
Старик, седой от северного снега,
пьет за рождение сына своего.
1972 г.

Алексей АВДЫШЕВ

* * *

Еще парнишка оробелый
(слегка кружилась голова)
той полночью июньской
белой для милой не нашел
слова... Еще под звуки
патефона танцуют посреди
двора почти до самого утра.
Еще с границ не слышно стона:
«Война... Вставай, страна, пора!»

Еще не слышно лязга танков,
не слышно пушечной пальбы.
...Звучит хмельно и томно танго,
не обещая злой судьбы.
Еще потом ты вспомнишь это –
скупой, прощальный взгляд
отца. До сей поры на сердце
мета, и той разлуке нет конца!..

Николай ФЕДОРОВ

СОЛДАТКА

В войну – как все, жила
несладко, порой едва держали
ноги... И безымянною солдаткой
тогда была она для многих.

В дни ликования в сорок пятом –
в них боль ее не умещалась – она
к вернувшимся солдатам с
мольбой-вопросом обращалась:
«Вы моего там не вдали?..»
Как в ожиданье сердце бьется!..
И шла под звон чужих медалей,
и верила, что муж вернется.
Теперь – чужому рада счастьем,
хоть боль своя не убывает.

Давно не Настей –
бабкой Настей ее
соседи называют.

... У плит священных каждый вечер
я примечаю ту солдатку, склоняю
голову при встрече, снимаю перед
нею шапку.

Смотрю я на огонь крылатый
и думаю в минуты эти:
есть безымянные солдаты, нет
безымянных вдов на свете.

Виктор СЕРГИН

* * *

Я помню: зал под светом керосинки
блестел сухой бревенчатой стеной, а
в зале – разноцветные косынки, ни
шапки и ни кепки – ни одной.

Висел портрет, был стол в цветном наряде, и
председатель – в орденах вся грудь:
– Товарищи! Сейчас вручим награды за
доблестный, за ваш геройский труд!

И поднимал он алые коробки
единственной, натруженной рукой...
Шли женщины к столу походкой
робкой, как будто за бедою шли какой.

Уставшие от частых похоронных,
уставшие от злых и страшных снов,
они несли в коробочках картонных
не славу словно, а людскую кровь. А
утром солнце поднималось круто, В
седой и горькой солнечной пыли, как
отблески далекого салюта, на
кофточках медали расцвели.

Тайсто СУММАНЕН

МАТЬ

Семерых сынов благословила,
как благословляли в старину,
семерых, родимых, проводила
на большую, трудную войну.
Мать ждала.

Шел год, другой и третий.

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ НА ЛАДОГЕ

Вот на воду опущены венки:
на палубе седые моряки
товарищей погибших вспоминают.
И льет печаль свою оркестра медь,
и ветры их –
холодные, как смерть,
и жгучие, как пламя
– овевают.

О горькие высокие ветра!
Ветра былых сражений и утрат.
О Ладога! Матросские могилы...
Но как прозрачна и чиста вода!
И сквозь нее глядят на нас со
дна глаза друзей – такие
молодые.

И не подать руки – кругом вода.
Не встретиться и не шагнуть
туда, за тот предел,
где – ни конца, ни края.
В почетном карауле моряки,
торжественно плывущие венки – как
скорбная процессия немая.

Уже они едва видны вдали,
и к берегу вернулись корабли,
и ленточку колышет
ветер слабый.
Закатная волна у самых
ног. И лес кругом зеленый,
как венок
неувядаемой навеки славы.

Перевод с финского Э.Балашова

СТАРАЯ БАРЖА

Как в прошлое, всосалась баржа в ил,
гнилые доски гулко рвет прибой... Давно
ль над нею длинный «юнкерс» выл? Ты
помнишь все, нам не забыть с тобой, как
злобно бились в камни и песок, оскалив
зубы, белые валы, как баржи – уходили на
восток и за буксиром таяли вдали.

Вокруг бесились волны...

Баржа вся
была другой планетой в этот миг...
Ребенок черной ночью родился, и той
же ночью умирал старик.
И робко чья-то первая любовь
раскрылась где-то в тесном уголке.
Смеялись, ели, плакали... Любой
прислушивался к гулу вдалеке.

Да, многим край родной не увидеть,
а мы с тобою помним тот рассвет,
как нам Онего выстелило гладь, и
волны нам катили свой привет.
...Увязла баржа. Бьет ее вода.
И скоро вся она уйдет в песок. Но
знаю: ты запомнишь навсегда, как
баржи уходили на восток.

Перевод с финского В.Потиевского

Александр ВАЛЕНТИК

* * *

Баржи бомбили...
Старая баржа...
Сонная баржа...
Чем ты забылась во сне?
Ты, в сорок первом тонувшая
дважды, помнишь еще о войне?

И не от этого ли причала ты
уплывала
в ту несказанную даль, где
никогда ты не уставала,
где не туман, а печаль?..

Ты и сейчас еще слышишь ночами
отзвуки тех канонад... «Синий
платочек» на тихом причале...
Оторопь сиплых команд...

Ты ведь не крейсер.
И не «Аврора»...
Барже – иная судьба.
Не с кем тебе о победах поспорить.
И не разбудит труба.

Анатолий МАРТЫНОВ
Кондопога

В ЭТУ НОЧЬ УМИРАЛ СОЛДАТ...

*Медицинской сестре, участнице Великой Отечественной войны
Таисии Филипповне Стафеевой*

Третьи сутки в бреду солдат
то кричал, то тихо стонал,
крупный пот выступал, как град;
слившись в струйки, по лбу
стекал. Было все: колдовство
врачей, материнская ласка сестры.

...Сквозь беспмятство трех
ночей вдруг глаза на минуты три
приоткрыл, губы стали шептать:
«Спой, сестричка, мне песнь про степь
– ее пела мне в детстве мать.
С этой песней хочу умереть...
Как ямщик замерзал, ты спой, в
той широкой глухой степи...
В сорок первом – в лесу под Москвой –
пел ее я... Не плачь!.. Терпи!..
Шприц не надо, время не трать...
Пой же, пой...»

«Степь да степь кругом,
путь далек...» Перестал дышать.
У сестрички слезы ручьем.

Александра ДЕМЕХИНА

* * *

За дерзкий подвиг старшина был
награжден. Он был талантлив:
направлен в школу лейтенантов. К
закату близилась война Еще одна
гремела рядом, но здесь, в театре
выездном – аплодисментов
частый гром
и девушка с влюбленным взглядом.
Жаль, не заметил старшина
тот нежный взгляд среди взглядов многих...
Их развели войны дороги, потом –
огромная страна...

...Соединить при встрече можно
десятки лет в единый миг.
Судьба свела нас вновь, старик,
после дороги непреложной.
Седой, с обвисшими усами,
зачем нашел ты мой порог?
Ужель с войны запомнить мог
сержанта с серыми глазами?
Садись с дороги, напою тебя
горячим крепким чаем. Давай,
седин не замечая,
рассказывать про жизнь свою.

Владимир СУДАКОВ

ТРОФЕЙНЫЕ ЧАСЫ

Соседу по ул. Советской (Сортавала) Н.У.Иванову

Он в окне, но спиной к зыбким далям,
где земля в крупных каплях росы.
А привез-то с войны три медали
да трофейные эти часы:
стрелки тонкие, бой королевский.

...Под метельным обстрелом залег,
день лежал, все на левой, в подлеске,
ну а правую руку берег.
Пригодилась: так жил – не до скуки.
Сын-наследник есть, что и хотеть?
Нянчит внуков жена, он же – руку:
стали пальцы на левой неметь.
Ни поесть, ни побрить себя даже
– злое рукопожатье судьбы.
А часы ходят точно все так же,
только стали не вовремя бить.
В мастерской – механизма не знают.

...Тесно руку притиснув к груди,
он на них, как они заиграют, с
каждым разом все дольше глядит.

ДВЕ МЕДАЛИ

Памяти в те годы вологжанина, а затем сортавальца И.И.Себина, на советско-финляндской войне – пулеметчика 168-й стрелковой дивизии, окруженной противником севернее г.Питкяранта, а на Великой Отечественной сражавшегося под Мурманском

Сельский дом.

Красный угол с иконкой –
так, бумажка на темной доске.
Телевизора мутное око.
Он здесь главный – в селе, вдалеке.
И подушка к нему притулилась, а
на ней две медали рядком. ...Все
на фронте хозяин их вынес
(«И одна, та за финскую. Видишь?..»)
а дрова стал грузить – в снег
ничком...» Их достали тогда из
шкатулки, принесли из сарая сенца.
Отшумело застолье не гулко,
дом затих.
И теперь до конца.
...Стук часов – то грядущего завязь,
циферблат из-за стрелок трещит.
И трава, постепенно трухлявясь,
в той подушечке вдовьей –
шуршит.

ТАЧКА

Саперу Великой Отечественно И.П.Борисову, который в сорок первом отступал от Сортавалы в сторону Петрозаводска, а в сорок четвертом, форсировав р.Свирь, наступал вдоль берега Ладожского озера.

Откуда же – не скажет сам
– «сорокапятки» ось принес
да два железных колеса
и тачку сладил как пришлось:
на лодку отвезти мотор,
картошку, выкопав, домой...
Стучит на ямах мостовой она
по городу с тех пор
На стук – сосед смотрел в окно.
...У мастера легка рука:
менялись рукоятки, дно, но ось
крепка, но ось крепка.

ОТЦОВСКАЯ ЛОЖКА

Потемневшая, мятая ложка
среди прочих в столе, в уголке.
Черенок ее загнут немножко.
– Это чтобы носить в сапоге, – мне
отец объяснил, сразу сгорбясь,
и на «Зингере» застрекотал.
Я ее, слыша в голосе
горесть, захотел разогнуть
и – сломал.

.....

«Зингер» – швейная машинка знаменитой фирмы. – Прим. автора.

Сергей СИЛИН

АВГУСТ СОРОК ПЕРВОГО (рассказ фронтового шофера)

«ЗИС» сел по брюхо. Не дорога –
горе. Шофер бранил и бога, и грозу.
Бойцы машину обступили вскоре.
«Толкните, братцы! Я вас подвезу,
коль по пути. Снаряды батарея сгружу
и дальше – до передовой». Сержант-
усач, шутя: «Что, пожалеем? Да не
газуй, начни-ка со второй...»

Поехали. Вдруг сердцу стало жарко:
дороги вдоль – нескошенная рожь.
Вздохнул шофер: «Добро-то гибнет. Жалко».
Сказал сержант: «Да, урожай хорош!..» Тут
из-за тучи юнкерсы-шакалы завыли. Ближе
черные кресты.

Бойцы в кювет легли. Мишенью стала
машина. Взрывов вздыбились кусты.

И истекая кровью, забываясь,
шофер кусал пожухлую траву.
Жена ему, печально улыбаясь,
чай подала. Как будто наяву.
Очнулся вдруг. Машина догорала.
И снова бред: молитву шепчет
мать... Но и в бреду его не покидала
о поле мысль: «Рожь некому убрать».

ГАРМОНИСТ

Звонким смехом заливается гармонь:
брата Саню провожаем, сняли бронь.
«Полно плакать. Живы будем – не
помрем. Возвращусь домой в петлице с
кубарем!» «Лучше, Санечка, со
шпалюю...» «Ну, хватили, девки шалые!..»

А уехал – в воду канул. Нет вестей.
Утешались: бьет непрощенных гостей.
Не до писем. Не всегда, поди, поесть...
Только в мае принесли в конверте
весть. Плохо сделалось с маманею:
«Худо снился ныне Саня мне...»

Ночь сгорела незаметно, рассвело.
А гармошка в голос плачет за
селом. Эх, гармоника, зеленые
меха» Меньше стало на селе на
жениха.

МАРТ СОРОК ПЯТОГО

Отец в тетрадь записывал «кубы»,
дым от сигарки поднимался нимбом.
«Без выходных и праздников – руби!
Полдня – восьмого – дать на отдых им бы...»

Лесоповал. Лучковка да топор..
Пять дохлых кляч да руки. Руки
женщин. О хлебе и о нормах разговор:
«Побольше б хлеба, норму бы поменьше...»
Мать жгла суки – труд самым легким был:
народ отзывчив, не озлили беды... Скажи
тогда – кто и поверил бы? – что ждет она
ровесника Победы.

Мария ДОМАСЕВА

МАТЬ СОЛДАТА

Самой памятной датой
будет в светлом далеко
год победы, сорок пятый,
год рожденья моего.
Сколько лет прошло: как
мало этой доброй тишины,
посреди которой мама молча
сына ждет с войны. Бьется
время чутким нервом.

Молод он, она – стара,
проводила в сорок первом,
ей все кажется: вчера...
Вечной матерью солдата
Быть ей – знаю наперед:
ожидала в сорок пятом,
столько лет прошло – все
ждет

Виктор ВАЛЬЯККА
п.Вальяккала Тосненского р-на
Ленинградской обл. – Ленинград - Петрозаводск

БЕРЕЗКА ЛЮБВИ

Памяти партизанки Татьяны Ананиной

Фашисты вели ее от
села. Штык – наперевес.
Карельская девушка молча шла
сквозь белый, морозный лес.
Желтела на плоских штыках
луна, дрожали ее лучи.
И чутко слушала тишина,
как билось сердце в ночи.
И знала девушка – никогда
не встать на колени ей.
И знала она, что пройдут года,
что будет мир для людей.
Что снег будет только лишь до
весны, что будут звенеть листы.
Что кто-то среди лесной тишины
сюда принесет цветы.

...Каратели встали. Был хмурым
лес, и тени – как воронье.
Каратели встали. А рядом, здесь, –
березка любви ее.
Любимого ожидала тут,
над лесом вставал рассвет.
И красной косынки тугой
лоскут повязывала на ветвь.
И тихая песня была светла.
И память хранит слова.
Березка такую родной
была! Звенела ее листва.
Как хорошо тут рассвет встречать,
июльский теплый рассвет... Враги
не могли ничего узнать.
А было ей двадцать лет.

Березка стояла, как снег, бледна.
И скрип от шагов исчез...
Дрожала на плоских штыках
луна, и дрогнул от залпа лес.

Я видел березку после войны.
Как нежен в ней белый цвет!
И годы, и ветры ей не страшны,
и пули давнишний след.
И холмик над нею цветами
зарос, что выхожены людьми...
Березка прощанья, березка слез,
березка моей любви.

Перевод с финского Виктора Потиевского

Александра ДЕМЕХИНА

ДЯДЯ АЛЕША

Мой дядя Алеша
убит на войне под
городом Оршей,
в лесной стороне...

Жил дядя на свете
простым и нескорым,
в районной газете
был лучшим селькором.
И шли к нему люди
известья послушать
про мирные будни,
где строят, где рушат.

И спорили хрипло
в табачном дыму,
посмеет ли Гитлер на
нашу страну?..
Посмел. И парадом
пошел по Европе...
Навстречу – мой дядя
шагнул из окопа...

Над рощей и полем,
неистов и звонок,
крик счастья и боли
– родился ребенок.

А дядя Алеша
про сына знал:
под городом Оршей
убитым лежал.
1984 г.

БУКЕТ СИРЕНИ

Его убили на войне... Но
раньше был букет сирени
и день начавшийся весенний
в родной и милой стороне.
А позже – школьный выпускной
веселый бал. Впервые в жизни!
И цвел июнь, и все в Отчизне
дышало миром и весной.
И пригласил на первый вальс
десятиклассник ту девчонку...
И смех ее – счастливый, звонкий –
на фронте помнился не раз.
И было первое письмо:
«Я так хотел дружить с тобою...»
И как предчувствие какое: «Знать,
вместе нам не суждено...» И вновь
в неистовом цветенье Земля, и
счастлив человек.
Да будет памятно навек
его лицо в кистях сирени.

Алексей КУЗНЕЦОВ г.Пушкин (Детское
село) Ленинградской обл.-Соргавала –
Петрозаводск

* * *

Тех детских дней полугольных,
послевоенных давних лет, лет
бесшабашных и свободных – их
нет давно. Давно уж нет.
Как быстро время пролетело,
впиталось, как вода в песок...

Для нас вкуснее булки белой
был хлеба черного кусок.
А скольких стоило стараний,
чтобы кусок тот раздобыть или
на рубль – предел мечтаний –
сто грамм «подушечек»
купить! Подолгу стоя в тине
вязкой, ловили с берега плотву,
уху варили в старой *каске*,
присев на мягкую траву...

Светлана ЕФРЕМОВА
д.Скрябино Кировской обл. –
г.Полоцк Белорусской ССР –
д.Машезеро Прионежского р-на

* * *

Мне не снится война – я от взрывов глухих не немела.
Мне не снятся бои – я в кровавой не падала мгле.
Мне не снится отец – я запомнить его не успела,
ведь уже без него я училась ходить по земле.
Но, как просверк: луна в наши окна глядит величаво,
кто-то сильный в ладонях, как в лодке, качает меня,
а потом – черной птицей листок похоронки шершавой,
и у мамы в глазах угасающий отсвет огня.
И девятое мая. И теплые листья березы.
Чей-то плач. Чей-то смех. И динамик гремит на стене...
И дождинки втекают в морщины, улыбки и слезы.
Мне не снится война... Мне вовек не забыть о войне.

Сергей ДВОЙНИШНИКОВ,
Петрозаводск – Беломорск - Лахденпохья

КРАСНОТАЛ

Когда была земля обожжена, ей кровь
вливали всякую, без группы...
Вот тут лежал мальчишка-старшина,
а чуть поодаль – вражеские трупы.
Давно истлели грубые кресты Давно
стальные проржавели каски. А на
заросшем бруствере цветы, – как на
палитре смешанные краски.

Где от огня корежился металл
расстрелянной в упор бронемашины,
– широкой лентой вырос краснотал...
Враг так и не поднялся до вершины...
Мне этот краснотал издалека
напоминает планку наградную на
сопке, заслонившей даль сквозную,
как будто на груди фронтовика.

...В Приладожье моем не счесть
войны минувшей обелисков. Без
боли в сердце не прочесть
фамилии людей в тех списках.

Геннадий ЗОРИН п.Куоляярви
Мурманской обл. - Суоярви -
Олонец

ВСТРЕЧИ

М.И.Ревзоеву

Неожиданна твердь осколка:
резкий скрежет – и смолкла пила.
Ах, как долго война, как долго в
ладном теле сосны спала!
И змеєю с вырванным жалом
равнодушно глянул на мир
серый, рваный кусок металла –
грозовой поры сувенир.

На руке его вальщик взвесил
и негромко добавил так:
– Вот такой же стервец пометил
и меня в одной из атак.
Ну, да ладно! Сполна посчитались.
Больше били не наугад, – и
счастливо глаза смеялись.
Так смеются лишь у солдат.
К этой радости путь был долог сквозь
смертельный свинцовый шквал. И в
кармане спецовки осколок так о
многом напоминал.

Олег МИШИН

* * *

Как пахнет земля,
я впервые узнал не на
пашне. Я ощутил этот запах
в том, сорок первом,
когда молодые солдаты
копали траншеи у
нашей деревни.
Лишь многие годы спустя
я узнал,
какие сражения
здесь отгремели.

Когда прохожу я вдоль пахоты,
с весенним запахом земли до
меня доносится глухое
звяканье саперных лопат.

1974 г.

* * *

Терзаемый злой малярией,
я видел горячие сны
в Сибири, где с мамой Марией
мы жили вдали от войны.
Война и в тылу наступала,
ломала – мальчишку – меня,
студеною плетью стегала,
теснила дыханьем огня.
Трясла лихорадкой хвороба:
зуб на зуб не попадал.
Спасти не могла от озноба
гора никаких одеял.
Но все-таки что-то хранило
мальчишку средь пекла того.
Не только ведь горечь хинина –
лечебная сила его.
Спасали меня в этой битве,
в сибирском моем далеке
слова материнской молитвы
на финском родном языке.
2003 г.

ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

*На многих солдатских обелисках
даты смерти – 1946, 1947, 1948...*

«Мы не от старости умрем – от старых ран умрем».

С.Гудзенко

Слышу лишь сердце стучащее.
В строю за оградой простой
стоят обелиски дощатые, и
каждый – под красной звездой
Под Омском военное
кладбище. Суровая тишина.
Врезаясь, ложатся на
душу даты и имена.

Под звездами похоронены,
рядом лежите вы: крестьянин
из-под Воронежа, рабочий
из-под Москвы.

Вас роковыми ранами
не обделила война:
в госпиталях умирали
вы, все испытав до дна.

Часа дождавшись
победного, уже за его чертой
вы умирали последними
ради победы той.

1966 г.

Бронислав КЕЖУН
Ленинград

ЦВЕТЫ И ГРАНАТЫ

У тебя на столе – цветы... Их
коснувшись русою прядкой,
над цветами склонилась ты,
дорогая моя солдатка.

Стебелек ромашки в руке –
словно солнце перед тобою,
только видишь ты вдалеке
край, где бьются бойцы-герои.

Край, где нынче порой ночной,
песня, сказка моя лесная, я
сижу в землянке сырой, о тебе
одной вспоминая...

Так и ты в полночной тиши
вспоминай про лесную чащу.
Письма шли, открытки пиши,
вспоминай про меня почаще.

От рассвета до темноты
вспоминай про меня, солдата...
В руках у тебя – цветы, в руках
у меня – гранаты!
1944 г.
Лоухи-Кестеньга

Алексей КУЗНЕЦОВ

ДОРОГА К ВОЙНЕ. ЛОУХИ-КЕСТЕНЬГА (отрывок)

Ломая все планы и сроки,
надолго – ни взад, ни вперед –
завязла война среди глубоких,
глухих непролазных болот.
Одна лишь дорога лесная в
краях этих гиблых была,
среди топей болотных петляя,
она – прямо к фронту вела.

А вязкая речка-протока, на карте –
лишь маленький штрих – три года
тяжелых жестоко делила чужих и
своих.

Пытаясь тротилом и сталью
пробить в обороне проход,

свои и чужие терзали высоты
среди топких болот...

...С той тяжелой военной тревоги
минуло, считай, тридцать лет,
но только и нынче с дороги
опасно пойти за кювет.

На том рубеже, где кружилась
последней войны круговерть,
незримо в лесу притаилась
коварная ржавая смерть.

А чтобы войну не забыли – на
месте того рубежа из
списанных рельсов сварили
четыре огромных ежа...

Юрий ЗВЯГИН

ТРИ СОСНЫ

За Топозером в бору сосновом я
с войною повстречался снова: из
лесной прозрачной тишины
мне навстречу вышли три сосны.
От волненья дух перехватило.
Понял – это братская могила,

скромный фронтовой мемориал
тем, кто за Отчизну умирал:
на стволах могучих просмоленных
гильзами расстрелянных патронов
выбиты героев имена.
...Потускнели буквы-письмена.

Илмари СААРИНЕН
Урьяла(Финляндия) – Канада –
Петрозаводк – п.Сямозеро Пряжинского р-на –
с.Ведлозеро – Кемь - Сортавала

НА БЕРЕГУ СЮВЯРИ (отрывок)

Сювяри, слышишь!
К тебе я иду.
Здесь фронт пролегал
в том суровом году.
Как будто граница
смерти самой вот
здесь пролегла,
извиваясь змеей.

Сверкала луна на
штыках у бойцов.
Краснела волна –
солдатская кровь!
О Сювяри, кто же
на помощь придет?
Сквозь грохот бомбежки
двигался плот.
И смерти навстречу
солдаты гребли.
В смертельную
сечу по тине брели.
В огне поднимались
на берег другой и
смело бросались
с гранатами в бой.

Подмостных
позиций теперь не
видать. Какая-то
птица пропела опять.
Серебряным звоном
тростник прозвенел,
и ветер по склонам
сирени задел –
и в воздухе чистом
– весенний, живой –
их запах душистый
поплыл над землей.

Ты плещешь волнами,
прозрачна до дна.
Но память, но
память! Осталась она.
Дощатые звезды на
тихих холмах
напомнят о грозных
далеких боях.
И сосны без веток, в
рубцах пулевых
сегодня об этом
кричат для живых...
Перевод с финского О.Мишина
.....

Сювяри – р.Свирь – Прим. переводчика.

ДОРОГА НА ГИРВАС

(отрывок)

Дорога дальняя на Гирвас...
Среди обугленных боров как
никогда ранима – близость
здесь прокатившихся боев.
Немало в круглые воронки
грибов и ягод забралось.
Здесь стайей молча мчались волки
и бился в судорогах лось
Здесь был пожар. Не тот – недавний.
И будто высохший ручей,
окоп сухие сбросил травы.
И десять сосенок-свечей,
как поредевшая пехота,
стоят, суровы и черны,
над мертвым телом самолета,
над долгой памятью войны...

Анатолий РОДИН

* * *

Заросли окопы травой:
ведь прошло уже столько лет...
Но в минуты раздумий порою на
отцовский гляжу портрет.
Он скупой на слова был слишком
и любил трепачей ругать,
и советовал мне, мальчишке,
никогда никому не лгать.
Много позже узнал я, будто
говорил про него народ:
коль решил он помочь кому-то –
слово сдержит, не подведет.
И главой колхоза, наверно,
неспроста избрали отца... Он
ушел на фронт в сорок первом.
«Я вернусь», – сказал у крыльца.
Были письма из-под Ростова, был
победный салют страны. Первый
раз не сдержал он слова: не
вернулся домой с войны...
1969 г.

ВНУК СОЛДАТА

Есть в Белоруссии деревня с
названием тихим – Бережцы.
Там по весне на всех деревьях
шумят и царствуют скворцы. А
летом пахнет земляникой,
и спелой рожью в сентябре,
и петухи привычным криком
округу будят на заре.
Там есть могильная ограда,
где под солдатскою звездой
спит не солдат, а внук солдата,
наш современник молодой.

Вдали от этих мест, под Оршей, на
восемнадцатом году,
шагая со смертельной ношей,
он от людей отвел беду.
Он первым всю опасность понял,
со лба откинул прядь волос
поднял снаряд и на руках понес.

Он шел по вспаханному полю,
туда, где виден был овраг, но не
дошел... И в сердце – болью с тех
пор его последний шаг.
За жизнь свою борясь упрямо,
коснувшись маминой руки,
еще он скажет слово «мама»,
всей медицине вопреки.
И у кровати оседая, его
судьбой потрясена,
заплачет женщина седая:
«Да будь ты проклята, война!»

Есть в Белоруссии деревня с
названием тихим – Бережцы.
Там по весне на всех деревьях
по-прежнему поют скворцы.

Валерий РУБУШКОВ

НЕДЕТСКИЙ СОН МОЕГО ОТЦА

«Стало поле огромным огнищем,
веял страхом глубокий окоп, и,
пугая, чернел голенищем
обгорелый немецкий сапог.
Черный-черный сапог, позабытый
посреди неширокой тропы –

толстокожий, шипами подбитый.
Будто пули, торчали шипы...
Снился мне пулемётчик громадный с
толстым ранцем, с тупым тесаком...

Просыпался от мысли злорадной:
пусть проходит теперь босиком!
Пусть он станет от ярости желтым,
пусть горят пузыри на ноге,
и в далекий свой край, несожженный,
пусть вернется – в одном сапоге!..
Стало поле спаленное бором,
и с землею сровнялся окоп,
но гляжу – на поляне, как ворон,
обгорелый чернеет сапог,
отвратительный символ злодейства,
тот, что долго служил палачу.

... Он хотел растоптать наше
детство. Я во сне его гневно топчу!»

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

ТЕМНОТА

На болото ночная легла
глухота. Почему не пройти?
Почему никогда?
Через эту вот вязкую липкую
тьму... Почему?
Потому что в болоте и тонет, и стонет,
все живое пугает, пугает и гонит старых
мин перегнившая смертная ржавь. Ты не
трогай ее.
Обойди и оставь.
А не то полыхнет, и осколки
войны вместе с грязью швырнет.

Не хочу обходить
этот год, давний
год, сорок первый
и черный над ним самолет.
Не хочу этих минных и душных
болот! Не пора ль?
Чтобы не было
здесь темноты,
глухоты, пустоты.

Чтобы только цветы,
полевые цветы
собирала здесь ты?

ОТРЫВОК

На кладбище в Праге остановлюсь,
где строй обелисков строг и суров:
«Красноармеец Петров-Кривоус»,
«Сержант Алексей Востряков...»
Стоят обелиски в пургу и в
дождь... Вот имя, взглядишь в него:
быть может, отца своего найдешь
или сына найдешь своего... А там –
неизвестный лежит солдат.
А, значит, для каждого он навеки
– и сын, и отец, и брат.
Ему от страны поклон.
Неколебим обелисков строй.
Молчит над бойцами гранит.
Спасенная ими, в листве
золотой осенняя Прага шумит.

ЛИДИЦЕ
(отрывок)

Мне в душу тревогой
и шрамом легло... Из
прошлого след –
уходит дорога через
село, которого нет.

И скорбные ели,
от горя черны,
бессонно стоят,
и в дождь, и в метели,
и в звоне весны
ту память таят.

О Лидице, Лидице!
Сердце ожгло
пеплом твоим.
Мне заново
видится: буйствует
зло, стелется дым.
И я вспоминаю
острей и больней
Отчизны края: вот
так же пылает в
России моей
деревня моя.
И так же последний
мужчина села –

еще не убит! –
пятнадцатилетний
в дуло ствола
мальчишка глядит...
1969 г.

Алексей КУЗНЕЦОВ

ДОРОГА К ВОЙНЕ

Ломая все планы и сроки,
надолго – ни назад, ни вперед
– завязла вода среди глубоких
глухих непролазных болот.
Одна лишь дорога лесная в
краях этих гиблых была,
среди топей болотных петляя,
она прямо к фронту вела.
А вязкая речка-протока, на карте
– лишь маленький штрих, три
года тяжелых жестоко делила
чужих и своих.

Пытаясь тротилом и сталью
пробить в обороне проход,
свои и чужие терзали высоты
среди топких болот. Казалось,
смертельно устала, с людьми
все невзгоды деля, из смеси
камней и металла политая
кровью земля.

С той тяжкой военной тревоги
минуло, считай, тридцать лет,
но только и нынче с дороги
опасно пойти за кювет.
На том рубеже, где кружилась
последней войны крутоверть,
незримо в лесу притаилась
коварная ржавая смерть.
А чтобы войну не забыли,
на месте того рубежа
из списанных рельсов сварили
четыре огромных ежа...

Авенир ТИХОНОВ
Петрозаводск

СУЛАЖГОРСКИЕ ВЫСОТЫ

Не стало друзей моих многих:
как только повестка придет, –
уйдут под оркестр по дороге к
пескам Сулажгорских высот.

Наверно, там четко налажен
бойцов поступленья учет, и
писарь, усатый и важный,
порядок строжайший блюдет.

Просить об отсрочке напрасно.
Любому назначен черед –
занять свой окопный участок В
песках Сулажгорских высот.

Владимир СУДАКОВ

КЕСТЕНЬГА. ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕ

Ах, какой был закат кровавый
– жег березы.

На рассвете легли на
травы белые росы.

Росы – от дыхания павших, сбитых
пулей прицельной, шалой... А к
утру над водой – туманище!
За ночь так надышали.

От салюта вздрогнув, над нами
небеса качались мгновенье.
Полпоселка огородило глазами
место перезахоронения.

Триста – все в гробу поместились.
Холмик рос над землею раннею.
Вы простите, так получилось:
я ступил на него, выравнивая.
Незнакомец (обратно шли мы)
о войну споткнулся – о
проволоку. Обсудить хотели
шутливо и замолкли:
он ногу волоком...

...Этот век спотыкался дважды.
Тихим утром – пригнуться? – каждый
слышит, будто встревожен улей:
над землей

пролетают
пули.

1973 г.

Леонид КАРПОВ,
п.Кестеньга Лоухского р-на –
Петрозаводск – Кандалакша - п.Кестеньга

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

(отрывок)

Мы о засаде ничего не знали,
шагали – не таясь, к плечу плечо.

И те, кто неубитыми упали,
разведку материли горячо! Стреляя
в лес, ослепшие от злобы,

недрогнувшие даже в смертный час,
мы гибли и друзей просили, чтобы
они молились Господу за нас.

По нам свинцовый град без
перебоя хлестал из пулеметного
ствола и кровь, почти кипящая от
боя, рекой на клюкву спелую текла.

.....

От взрывов мин, швырявших в небо кочки,
жгло холодом спинным позвонки...

И тут пронесся возглас по цепочке:
«Хорош лежать, пристегивай штыки».

.....

...И посреди карельского болота,
уткнувшись в мох пробитой головой,
мне не узнать, спаслась ли наша
рота, по той причине, что я неживой.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

(отрывок)

В том списке, где одни сплошные
даты, вы наших не отыщете имен:

мы – без вести пропавшие солдаты,
не принятые в Вечный Легион. Для
нас, официально не убитых,

на чьих делах поставлен жирный крест,
среди фамилий на гранитных плитах в
итоге – не нашлось свободных мест.

.....

Исчезнувшие в море и на суше,
мы – перевоплотились в облака,
и наши неприкаянные души,
роня слезы, шепчут свысока:

«Мы, без вести пропавшие солдаты,
чьим обелиском стала – неба высь.

Поймите, мы совсем не виноваты,
что, потерявшись, так и не
нашлись».

СТИХИ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Мы не были на той войне,
послевоенные мальчишки, о
ней мы знаем понаслышке,
не к нам она пришла во сне.
Мы не были на той войне.
Не в нас летят донныне пули
из грохота того июля, где
головня на головне.
Мы не были на той войне.
Не мы стихи о ней сложили.
И головы не мы сложили,
по счастью, а не по вине.
Но если б в огненной волне
отец мой захлебнулся кровью – и
я бы ткнулся в бруствер бровью,
оставшись с ним на той войне.

Михаил СЫСОЙКОВ

ПОЛКОВОДЕЦ

Есть на Руси великая могила
спасителя Отечества. Она в любую
пору ярче, чем светилом, –
Победой нашею озарена.

Ее с другими маршалами вместе
и с армией, могучей и родной,
он выковал такой, сказать по чести,
каких не знал от века род людской.

И что же довелось ему изведать,
коли простой солдат был наречен
по справедливости – творцом Победы,
как это сделал принародно – он.

Победа светит всей земле поныне.
Кователю же усталый опочил, и прах
его в стене Кремля-твердыни, как
говорится, место заслужил.

А мне б, солдату, скорбными глазами
не видеть черный с цифрами кирпич, а
– холм обнять дрожащими руками,
услышать снова полководца клич...

ЗВЕЗДА

Дядьям моим –
Иосифу,
Григорию,
Степану,
Александрю

посвящаю

1.

И сказал мой дед, томим
Болью за сынов:

– По тому, как пляшут – им
Не сносить голов...
Все проплясаны полы,
Выстудило хмель,
Разлетелись соколы –
Крыльями шинель.

...А граница как порез
На спине снегов.
Перед боем светел лес,
Как из облаков.

У затерянной версты
Надо вырасти,
Выбить немца с высоты
Иль душу вытрясти.

2.

Бой гремит невядалеке
От хутора Хийтола,
На военном языке –
В «Кителе».⁵
Пули суками скулят
В костолом-мороз,
И в уставах нет статьи
Тихой на «отход»,
В контратаках первый взвод
Умер, в землю вмерз.
Пусть горит для всех в ночи
Хоть одна из звезд.
Покатились кубари
Кубарем в снега,
Съехали и вкось и вкривь
Лыжи под обрыв...

Тихо рядом прилегла
Белая пурга.
Был он в смерти некрасив,
Губы закусив.

---

⁵ И поселок (станция) Хийтола, и местечко Кителя находятся в Северном Приладожье. – Прим. сост-ля.

3.

Все отцу сказал как есть
Хмурый капитан:
«Ты прости мне, что я здесь,
А Иосиф там».
А под утро тек растет,
Как вода реки.
Нет страшнее, чем когда
Плачут мужики.

4.

Оставалось у отца три брата:
Брат, погибший в атаке на немецких егерей,
Брат, обстрелянный недобитыми гитлеровцами в Польше
(Не дополз трехсот метров до медсанбата),
Брат, обезноженный бомбою под Синявином.
Я помню его на маленьких костылях,
Люди помнят его плясуном-«золотые ноги».
В детстве мне казалось, он ходил так нарочно –
Своим ростом стать ближе ко мне.
Мы любили с ним песню Утесова про извозчика,
А теперь я слушаю один.

1972